

Мигель Серрано

ОН/ОНА
книга магической любви

МИГЕЛЬ СЕРРАНО

ОН/ОНА
КНИГА МАГИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ

ТАМБОВ • 2013

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Серрано М.

ОН/ОНА: Книга магической любви — Тамбов, 2013. — 80 с.

Горные хребты на лике Земли — единственное, что переживает время. Они переходят неизменными от эпохи к эпохе. Они участвовали в жизни мира, о котором теперь некому помнить. И они же — спасительное укрытие для осколков прежних времен, разрушаемых вновь и вновь приходящим потоком. Горы скрепляют эпохи, разрозненные истории скрепляет рассказчик: Гималаи и плотская любовь тантры, Пиренеи и душевная любовь миннезанга, Анды и рационально-умственная связь, всегда полная сомнений и тревог, но раз за разом устремляющаяся к торжеству: к свободе от себя самой и всеподчинения себе.

© Издательство «Ex Nord Lux»,
перевод с английского,
издание книги на русском языке, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ГИМАЛАИ.....	4
II. ПИРЕНЕИ.....	29
III. АНДЫ	48

I. ГИМАЛАИ

«Учитель, сегодня я вспомнил что-то — вспомнил о будущем. Я видел себя, одетого в странные одежды, носящего непонятные украшения. Я готовился к битве; я должен был сражаться на войне, о которой не знал ничего. То место никак не принадлежало к нашему времени».

«Что придет, то придет», ответил учитель, «и будет не лучше, чем сегодня».

«Учитель, это воспоминание о будущем и побудило меня придти к тебе сюда, в лес Бунделкханда. Я знаю, ты живешь тут долгое время, и потому умоляю открыть мне учения и умения каулы-тантры. Ты величайший учитель из всех; ты — Матсьендранатха».

Нагое тело учителя было густо вымазано сизым пеплом. Он закрыл глаза, и долгое время оставался безмолвен. Короткая деревянная подпорка поддерживала его недвижимую правую руку, он замер в позе лотоса в тени старого фигового дерева. Наконец, его глаза раскрылись. Он будто возвращался из путешествия по подземному миру. Неотрывным взглядом он рассматривал глаза юноши — тот же почувствовал, будто его распахнули наизнанку и изучили самые потаенные уголки, не оставив сокрытым ничего, от самых начал детства до теперешнего дня. И потому, через некоторое время, юноша потупился в страхе и смущении, найдя такое переживание чрезмерным.

«Говоря о памяти о будущем, ты, наверное, думаешь о переселении или перевоплощении души. Может быть, ты думаешь, что я могу помочь тебе исполнить твоё предначертание. Но идея перевоплощения незнакома древним текстам. Скорее, она происходит из разбитой Потопом ветоши, и связана с первобытным змеем, и с темным народом доисторических времен».

Старец снова пронзил взглядом юношу. «Что еще ты видел в том сне?».

«Я видел себя — я готовился сражаться на войне. У меня был меч».

«Меч означает знание. Но прежде, чем я приму тебя в ученики, и стану посвящать тебя в умения каулы, ты должен принести мне дар. То, что я требую — молоко женщины, материнское молоко. Мы должны начать с самого начала, как если бы мы были детьми».

Где же ему отыскать молоко матери? Наверное, нужно пойти ко входу в храм, где на страже стоит изваяние бога Ганеши, полуслона–получеловека — сына Шивы и Парвати. Наверное, нужно склониться перед ним и просить слонового бога о помощи. Пока юнец раздумывал над своей задачей, перед ним появилась храмовая жрица. Прекрасная, источающая ароматы сладких духов, она несла цветы, чтобы возложить их к стопам бога. Черные волосы ее переплетены гирляндами цветков жасмина.

«Не уходи», произнес он. Она обратила к нему свой взгляд: простор и глубину глаз. «Я должен найти молоко матери».

«Но я не мать, и мне не позволено быть ею — я девственница. И всё же, подай мне твою чашу».

Юноша передал ей чашу и стыдливо опустил глаза.

«Нет, ты должен мне помочь», — она велела ему встать и взяла его руку в свою; тогда юноша увидел белесое пятнышко меж ее пальцев. «Проказа», подумал он. Она обнажила груди: «Сожми меня вот здесь». Но рука юноши задрожала и не могла найти нужного движения. Она научила его, и соски заструились молоком девственницы.

«Ганеши дает тебе это молоко».

Юноша хотел было встать на колени перед жрицей, но та прервала его жест. Сложив ладони вместе, она произнесла слог ОМ.

Исполнив наказ учителя, юноша чувствовал радость — но с ней и некоторую печаль, хотя и совсем не знал, почему.

Проходя по широкой террасе галереи, он оказался окружен шумными звуками: строители и скульпторы высекали камень для храма. Гранит и мрамор дрожали под их ударами, и воздух был полон пыли. Под мраморным

порталом одиноко сидел слепой скульптор, зажав ногами каменный блок. Он почувствовал проходящего мимо юношу с чашей в руках, и, притворившись, будто видит его, повернул к нему пустые глазницы и провожал слепым взглядом, пока тот не исчез в лесу.

Учитель поднял чашу к губам и пил, закрыв глаза, глубоко размышляя. «Ты тоже должен выпить», произнес он, обернувшись к юноше, «то, что осталось — твое».

Молодой человек нервно прикладывался к сосуду короткими глотками. Содержимое имело вкус жасмина, и юноша не мог не думать о жрице. Что-то, что принадлежало ей, теперь вошло внутрь его, сделалось его частью — и также частью учителя, образовав связь меж ними троими. Конечно же, теперь он может быть посвящен!

«Нет. Ты еще не готов. Вначале мне необходима твоя янтра».

«Учитель, кто сможет нарисовать мою янтру?».

Теперь ученик получил веление посетить Судхира Ранджау Бхадури, и просить его, чтобы тот раскрыл внутреннюю природу юноши в рисунке. Тогда ученик отправился в путь; ему казалось, он уже слышал это имя раньше — возможно, это было еще одним воспоминанием о будущем. Он нашел Судхира Ранджау Бхадури в его избушке. Тот сидел на полу, посередине комнаты, а мальчик передал ему кисти, вначале прополоскав их в латунной посудине.

«Мне не стоит этого делать», отозвался старик. «Лучше я сделал бы тебе гороскоп. Янтра — портрет тайной внутренности, которая определяет твою внешность. Чтобы описать твою янтру, я должен раскрыть твои внутренние вибрации и передать их в цветах. Затем я должен определить центры, из которых эти вибрации исходят. Они представляют твою внутреннюю силу и определяют расположение элементов твоей янтры. Это как набор музыкальных инструментов, тамбуринов и цитр; твой учитель зовет их чакрами или колесами лотоса... Но если бы

я попытался нарисовать твою янтру — это было бы несколько абсурдно, ведь ты желаешь ее изменить. Я не знаю, естественно ли то, что ты делаешь, но, если ты преуспеешь — ты станешь бессмертен. Я буду твоим свидетелем, если не сейчас, то в будущем, примерно в трех сотнях лет».

Янтра вышла красивой, выписанной бледными и едва различимыми цветами, будто старик знал, что производимая ею музыка будет мягкой и захватывающей.

И учитель тоже будто услышал эту музыку: странное выражение поселилось в его глазах, когда он встретил возвратившегося юношу. Учитель тут же погрузился в рассмотрение янтры, читая ее с тонким умением и цепким вниманием.

«Никто не знает того, кто создал мир, не знает даже Брахма. Чтобы родился мир, гармония, равновесие сил, должно было быть нарушено. Возможно, так сделала супруга, принцип женственности. И всё же, несмотря на наше неведение относительно начал мира, мы знаем кое-что о некоторых существах, которые в древние времена пытались управлять законами судьбы, развивая свод столь же действенных, но противонаправленных законов. Эти странные люди звались сиддхами, и их тайное знание ковалось в двух городах в Гималаях, называемых Агартти и Чампула. Всякий, желающий приблизиться к этим городам, должен идти задом наперед, чтобы обозначить свое возвращение к точке истоков».

«Хотя даже Бог не знает, кто сотворил мир, сиддхи могли раскрыть секрет, таящийся в сексуальном влечении женщины — и научиться использовать его».

Учитель продолжал наставлять юношу: «Конечно, сейчас я сижу здесь под деревом, но должен сказать: то, что я пытаюсь тебе передать, происходит издалека, из далекой дали. Это знание было передано змеям, выжившим в великом Потопе, в том бедствии, что уничтожило расу бо-

голюдей. Для той расы женщина была не чем-то внешним, но жила внутри. Мужское и женское были одним, и не были друг другу чужды и враждебны. Но потом «она» сделала нечто, о чём «он» не знал, и нахлынувшие воды уничтожили сушу — остров, где король был верховным жрецом. Он сидел там под деревом, его голова была увенчана рогами, вокруг него помещались четверо эмблематических животных — а он размышлением направлял движение звезд. Ты должен следовать его примеру. Ты не достигнешь ничего, если прежде не включишь в себя женщину, и не сядешь у корней древа, окруженный своими зверями. До тех пор ты будешь только листом на ветру».

После произнесенного, учитель счел нужным подняться, что далось ему с величайшим трудом. Так долго просидел он в позе лотоса под сенью фигового дерева, что ноги и ступни его переплелись с древесными корнями. Немногие способны понять жертву учителя — того, кто решил принять ученика.

С приходом дня лес ожил, и от него мерная дрожь и рябь жизни растекалась над безмолвной рекой к храмовым крышам. Учитель проводил ученика к королевским стойлам в Кхаджурахо. Конюшие мальчики распростерлись на земле, приветствуя их приход, а после в испуге убежали — никто раньше не видел Матсьендранатхи воочию.

«Здесь, в стойле, они увидели черную кобылу с белой звездой на лбу. Полный силы жеребец вошел и с великой нежностью потерся носом о ее ноги и круп. После он отступился, издав переливистое ржание, будто объявляя себя господином вселенной. Кобыла косилась на жеребца, и атмосфера густела и спела, тяжелея, будто небо перед муссоном. И драма продолжилась: будто в треске раздираемого громом неба, жеребец поднялся на дыбы. И тогда произошло чрезвычайное — как доисторический бог, он вытянулся на спине кобылы. Он уподобился выпотрошенной тряпичной кукле с долгими желтыми зубами, кобыла же стояла крепко и хитроумно, лишь чуть прядая ушами.»

«Ты понимаешь, что произошло?», спросил учитель.

Ученик же был слишком взволнован, чтобы ответить.

Позже, когда они возвратились под фиговое дерево, учитель объяснял: «Всё это нужно переменить. Жеребец должен обратиться в кобылу, мужчина в женщину. Другого пути нет. Ты помнишь, как исполнена радости была кобыла, предчувствуя свою силу еще до того, как что-то случилось? И потом, после всего, именно она была победоносна. Такова история расы. Женщина вышла из мужчины, но с тех пор, как оба пола стали независимы, один неизбежно поглощает другой. Такова вселенная: один дает, другой получает. Всегда есть некто, приносимый в жертву. Многие верят, что единственный способ избежать этого круга — аскетизм безбрачия. Но аскетизм никогда не бывает действенным: так или иначе, личность всё равно уничтожается. И роль мужчины всегда оказывается вторична. Кобыла поглощает оплодотворившего ее жеребца, пчелы убивают трутней, первобытная мать носит на шее изначальный член творения. Каждая мать, кобыла, богиня и женщина — пожирательница, а самец в той или иной форме кастрируем и поглощаем». Учитель помолчал. «Чтобы изменить всё, мы должны перенаправить громадную энергию, которую ты видел в жеребце. Мы должны восстановить изначальный принцип мужского бездействия и женской деятельности. Мир был сотворен принципом не мужественности, но женственности. Любовь должна научиться следовать тем же путем. Только те, кто желает научиться любить женщин иначе: убивая их снаружи, чтобы сделать возможным их внутреннее перерождение — сумеют обрести бессмертный город Агарты».

«Ключевой момент — выброс семени. Когда жеребец эякулирует, он сходит на нет. Мужская роль здесь будто заканчивается, и начинается женская. Но семя — это также и сома, которая должна быть сохранена. Семя должно быть не выплеснуто наружу, но поглощено вовнутрь. Снаружи оно может породить только детей плоти, внутри же оно рождает сына духа. Снаружи оно станет

играть в игру по правилам матери; изнутри оплодотворяет себя сам мужчина и порождает сына человеческого, сына мужчины».

«Эта любовь без любви не рождает сыновей плоти. Только сыновей духа, вовне циклов жизни — они творятся, когда семя направляется вовнутрь, давая им вечную жизнь».

Слепой скульптор в проеме арки бережно простукивал камень. После застыл, будто пробуя прислушаться к эху внутри себя. Как раз в этот момент одна из храмовых жриц поднесла цветы к стопам слоновому богу, Ганеши.

Мастер же продолжал наущение: «Семя — видимое проявление великой силы, частью которой мы все являемся. Семя — это овеществленный слог Ом. Это движение солнца в твоей крови и море жизни в твоём теле. Это также и слово, которым ты общаешься с богами. И потому ты должен сохранять его, если желаешь войти в Агартти».

Ученик сказал, что видел раньше на стенах храма статуи совокупающихся Шивы и Парвати, но не понимает, как же должно быть удержано семя.

«Это ты должен раскрыть сам. Ты должен превратить естественное действо в ритуал, сделав его сверхъестественным. Обычная половая активность не создает магов или сиддхов; она только позволяет человеческому роду продолжиться. Так что тебе должно последовать другим путем, но также в обществе женщины — чтобы вы оба спаслись! Если ее не будет с тобой, что-то останется неисполненным и незавершенным. Ты ничего не достигнешь. Даже на самом закате своих жизней святые и аскеты всё так же жаждут женщины. И потому, метод, которому ты должен следовать — это не что-то, чему ты научишься, но нечто, до чего ты должен дозреть. Шива остается недвижимым в момент оргазма; он не выплескивает свое семя. Активна она, Парвати, потому что если женщина не берет — она дает. Своей кожей женщина источает вещество, входящее в кровь мужчины, и становящееся его частью, создавая единство. Тогда семя высажено, и мужчина входит в город сиддхов. Чистая сексуаль-

ность — эхо жажды возвращения в чертоги предков. Это возвращение к цельности: подлинный секс — это ностальгия богов.

Ты уносишься за пределы царства обыденного существования. Жизнь мага каулы идет против природы: она развивается в противоположном направлении».

После учитель говорил о необходимости посещения храма, но при этом не думал даже покидать тенистое место под деревом фиги. Он объяснял, что храм — подобие человеческого тела, и что, путешествуя по лику Земли, посещая святилища от горы Кайлас в Гималаях до мыса Коморин на далеком юге, обнаружишь, что все они одинаковы. Боги живут повсюду, и ты можешь принести им подношения, где бы ты ни был. Священная река течет через человеческое тело, и подлинный Кайлас обнаруживается внутри. Даже небо имеет форму человеческого тела, и светила отражают центры свечений, существующие внутри человеческих существ. Те, кто отправился бы во внешнее путешествие к этим небесным телам, обнаружил бы только пустые планеты. Настоящая вселенная, настоящий космос — внутри. Потому каждый мужчина должен принять понимание того, что он сам и является храмом. Он должен войти в лабиринт, чтобы найти срединный дворец и трон Парвати. Необходимо спуститься под землю, чтобы раскрыть тайный мир и обнаружить ключи к скрытому континенту. Это — единственный способ вновь оживить древнюю энергию предшествовавшей расы боголюдей. Погруженные в глубины великаны жаждут воскрешения. Они управляют движениями звезд и устремлениями человеческого тела, но сегодня никто не знает их. Потому жизненно важно возвратиться к потерянной земле великанов. Мост, связующий настоящее с прошлым, дает возможность верного понимания бытия.

Затем учитель заговорил о цветках лотоса и о чакрах. Они существуют, даже несмотря на то, что не могут быть познаны в ощущениях. Это невидимые цветки, сим-

волизирующие способности души. Сама душа обладает телом, называемым линга-сарира, но это тело не существует само по себе, вначале оно должно быть сотворено. Человек — будто окутанный тьмой сад: нужно зажечь свет, чтобы увидеть дивные цветы. Свет, называемый Кундалини, освещает узкие аллеи, ведущие от цветка к цветку, от чакры к чакре.

Всё это может казаться ненастоящим, однако оно более реально, чем то, что ты полагаешь существующим. Бессмертие — цветок, которого никто никогда не видел. Если он не существует, его должно изобрести.

Учитель стал описывать различные чакры, цветки лотоса человеческого тела, называя их древними именами. Он говорил о цвете и количестве лепестков у каждого, начав с цветка половых органов у основания позвоночника, вверх через живот, сердце, горло и пространство меж глаз — до последней чакры, за пределами головы — она будто нимб, указывающий место встречи Шивы и Парвати. Лежащая вне человеческого тела, и достижимая только пересечением усыпанного бриллиантами озера, которое нужно переплыть в подводном судне, где за штурвалом слепой мореход. Такое путешествие необходимо, чтобы отыскать пустоту, лежащую внутри или вовне. Меж бровей располагается цветок о двух лепестках, будто крылышки голубки. Когда он зацветает, раскрывается третье око — и врата города Агарты предстают взору.

Учитель говорил и о других цветках, запретных, существующих в других частях тела, на стопах и у коленей; они обычно не распускаются. Это центры сознания, представляющие мысли древних боголюдей. Маг каулы может раскрыть их, но не может задержаться надолго ни в одном из них.

Всегда прибегая к аллегорическому языку и проводя аналогии между внутренним и внешним, учитель описывал каналы, связующие различные чакры. Он назвал их нади — это тончайшие нити души, проводящие чудовищную мощь древних великанов. Он говорил о силе, назы-

ваемой Кундалини, дремлющей, подобно змею, у основания древа. Кундалини представляет потенциальную мощь, способную разрушить мир иллюзий, чтобы достичь более высокого уровня реальности. Ее нужно пробудить, создать или изобрести. Мужское и женское в обоюдном сотворчестве способны расколыхать спящую Кундалини, и позволить ей выразить себя. Обе силы, мужская и женская, необходимы — рука об руку они должны следовать к вершине. Но последний прыжок должен быть совершён в одиночестве.

Любая часть путешествия может повториться в новой форме, хотя новшество только внешнее. Испытание же последним прыжком рождает глубочайшее, неизмеримое сомнение. Поход этот — не линейное путешествие, но скорее круговорот в каждом цветке-чакре. Садовник прерывает работу, отдыхает, и время от времени спит у корней древа, в темной расселине. Освеженный, вновь пускается в странствие. Не раз он оступается, падает, возвращается к пройденному — лишь для того, чтобы воспрянуть вновь, решиться на еще одну попытку. Чтобы в испытаниях и лишениях ощутить, что такое «я», чем является та часть, которой он ощущает себя; и переменчивые течения, несущие его то вперед, то назад, в стороны, вниз и вверх — предоставляют ему возможности к познанию себя: того, кого несет. В этом действе он изобретает собственное самоопределение, становится собственным отцом и сыном — отныне он творец и творение одновременно.

Рождается дитя. Оно так хрупко и чувствительно, что порыв ветра или злая мысль могут погубить его. Сын мужчины, зачатый семенем женщины — он линга-сарира, астральное тело, невидимый плод разума. Он сублимируется и преобразуется, когда посредством магической алхимии сидхов поток семени проникает вовнутрь отца.

Кто-то полагает женщину не нужной, а процесс этот будто бы только умственным. Другие считают его исключительно символическим, относящимся к душе, но

не к телу. Но практика каулы телесна. Когда женственная душа мужчины обручается с мужественным духом женщины, тела становятся инструментом их союза — теперь его нужно настроить и играть на нём. И это особенно верно в нынешний железный век, когда физическое тело будто диктует все принимаемые решения. Но телесное и духовное, явное и воображаемое, должны идти рука об руку — они необходимы друг другу.

Долгое время ученик следовал наставлениям учителя. Он исполнял ритуалы, о которых узнал, и старался прочистить каналы, которыми должны были разлиться волшебные жидкости. Он научился проглатывать длинную льняную ленту, чтобы после выпускать ее из ануса. Он открыл, как можно поглощать воду через пенис, приготовив себя к впитыванию семени в магическом ритуале. Наконец, он сосредотачивался на точке меж глаз, научившись останавливать мысли и дыхание.

Однажды он возвратился к статуе Ганеши у входа в храм, и склонился, коснувшись лбом каменного подножия. Взглянув же вверх, он увидел жрицу — та вновь стояла над ним, источая запах свежих цветов и роскошных благовоний.

«Почему вид твой так печален?», спросила она.

«Каким же ему быть, если вопреки моим усилиям в стремлениях избавиться от чувств, они по-прежнему остаются со мной?».

«Кто твой наставник?».

«Матсьендранатха».

Тогда ей стало интересно: получает ли он уроки только на мистическом плане — ведь никто никогда не видел его учителя.

Ученик же ответил, что наоборот, Матсьендранатха живет в лесах Бунделкханда, где сидит под деревом фиги. Лицо жрицы отразило недоверие — и он предложил проводить ее туда, чтобы она сама увидела учителя. Вместе они прошли через город и углубились в лес. И вот, мало-

помалу, ученик, бывший прежде столь уверенным, стал колебаться. Ему потребовалось немало времени, чтобы отыскать столь знакомую тропку к фиговому дереву. А когда они пришли, ему пришлось признать, что учителя здесь нет, так же, как нет никаких его следов.

«Видишь, я всё же была права. Твой Матсьендратха не существует. Я даже сомневаюсь, что ты получал истинное учение. Может быть, ты был обманут своим воображением».

Ученик ответил, что Матсьендратха, возможно, пожелал сокрыть себя и потому сделался невидимым или сам превратился в дерево.

«Оставь, это неважно», отозвалась жрица. «Я могу показать тебе способности твоего собственного тела».

К такому юноша не был готов, и сказал, что учитель не одобрил бы этого.

«Тебе не нужно волноваться. Твое тело — твой храм».

Они возвратились, и она поднесла венок цветов жасмина к ногам Ганеши, а после захотела проводить ученика в темную и прохладную внутренность храма, но вначале показала ему внешние стены. Повсюду на них были изображены стороны Майи, иллюзии. Нижние уровни барельефов изображали людей: сражавшихся, наносивших друг другу увечья, любивших и наслаждавшихся друг другом. Здесь были представлены все восемьдесят четыре любовные позы. Но любовники, изображенные здесь, были не людьми, но богами. Отстраненный вид мужских фигур был нечеловеческим. И любовные позы нигде не были спонтанными и естественными, но каждая была частью ритуала. Женщины, сопутствующие центральной паре, не получали наслаждения от ласк, которые они дарили и принимали. Скорее, они были второстепенными аккомпанирующими инструментами в музыкальном произведении. Они поддерживали темп, или ритм, придерживаясь заднего плана. Это был мир бездетной любви, изображенный на стене храма, и в жестком солнечном свете он рифмовался с каменной стеной чело-

веческого существования. Это были одновременно и Майя, и каменный лик крутогорий Кайласа, каждая фигура здесь представляла любящего бога. Всё вместе было также изображением человеческого тела.

Ученик узнал храм по описаниям, данным прежде учителем. Он был выстроен из цельного куска породы, как и гора Шивы. Перед тем, как они вошли, жрица просила его внимательно оглядеть изваяния, созданные однажды скульпторами Кхаджурахо. Она хотела, чтобы он увидел, как скульпторы запечатлели таинство богов: смешение божественного и демонического, напряжение между ними, и то чрезвычайное искусство, что было развито для того, чтобы выразить невыразимое таинство. Послание этого искусства приходит из таинственных, запретных областей, воздействие которых запечатлено на лицах совокупающихся пар. Будто каменные листья космического дерева, их тела трепещут в нездешнем ветре. Обыкновенный человек не желает принять такого послания, он ищет праведного объяснения, чтобы стряхнуть пугающее видение, рождаемое статуями — но не может преуспеть в этом. Потому что видение обладает собственной жизненной силой, и приходит из иной вселенной. Оно неуничтожимо. Лик Шивы на пике оргазма выражает наслаждение и печаль, благодать, отчужденность, нежность и погружение в себя — всё в один момент. Одной рукой он нежно поддерживает любовницу, оберегая ее, а другую складывает в ритуальном жесте, передающем его послание всё новым поколениям. Переплетенные тела каменных фигур приносят видение, которое исчухнет, только если оборвется людской род. Дух, воздвигший этот храм, соответствует моменту божественного упадка: только боги, влюбленные в человеческих существ, могли поощрить такое искусство. Ваятели, вырезавшие эти фигуры, должны были быть медиумами, слепыми носителями пришедшего извне послания. Возможно, они были даже лунатиками, покидавшими кельи по ночам, и ваявшими в полузабытьи.

Все храмы Кхаджурахо ориентированы с севера на юг, кроме храма Шивы, Чонсант Йогини — он вытянут с востока на запад, что предполагает некие особые, присущие только ему смысл и назначение. Кроме того, он вытесан из цельного куска темного гранита, в то время как все прочие храмы выстроены из светло-коричневых или красноватых каменных блоков. Чонсант Йогини образует мандалу, в которую трудно проникнуть; вход стережет статуя Ганеши. Большинство индуистских храмов окутывают верующего: войдя внутрь, он может покинуть их лишь через единственный выход. Но в Кхаджурахо центральные помещения храмов имеют три небольших арки, ведущие наружу. В храме Шивы все они направлены к западу.

Когда они вошли, жрица взяла ученика за руку. «Теперь ты ступаешь внутри собственного тела», сказала она, «ты ищешь входы и выходы в мандале — в этом лабиринте и растут все твои цветы. Сейчас мы в первой комнате и должны пройти ее, вознося молитву при каждом шаге. Произноси “ОМ”».

Они двигались вовнутрь, и воздух тяжелел от воскурений сандалового дерева. С обеих сторон располагались боковые кельи с двойными дверями. Жрица указала на одну из них: «Здесь я сплю, исполняю свое служение и готовлю себя к нему».

После они вошли в святая святых, габхагриха... пространство было подобно кратеру вулкана. Юношу захватил водоворот чувств, и он распластался на полу, беспрерывно повторяя мантры. Из середины пола, воплощавшего йони, вагину извечной жены — вздымался торчащий камень лингама, полового члена Шивы. Двое соединялись здесь, создавая андрогина Шиву Ардханаришвару. Гранитная колонна была наполирована жрицами, омывавшими ее священными маслами и кровью животных, воплощающей менструальные истечения жены. В нужное время трубил бронзовый рог. Три двери в задней стене были замкнуты.

Потом где-то во внутренностях храма открылась дверь, и появился слепой скульптор. Он подошел к лингаму и присел подле него, скрестив ноги. Жрица ступила вперед, исполняя последовательность ритуальных движений, избегая некоторых поз и сосредоточенно ища других, как будто воздух вокруг нее стал архитектурой, войти в план которой она желала. Приблизившись к лингаму, она пролила на него пахучее масло, и, обернувшись к ученику, велела ему поступить так же. Он шагнул вперед, будто во сне, принял из ее рук сосуд с маслом и пролил его на лингам и йони. После все трое вытянулись на полу за темной колонной в центре комнаты, в одинаковых позах; она снова поднялась и вручила слепому скульптору чашу с водой. «Я — река, а вы двое — камень посередине реки и тот, кто ваяет из него. Вы предсказываете будущее».

Слепой скульптор поднялся и пролил освященную воду на голову ученика. «Ты — рыбка в реке», сказал он, «ты должен плыть на запад».

Вновь заговорила жрица: «Еще до того, как был вытесан первый камень, храм уже был здесь. Он был здесь всегда. Всё, что произошло — он просто стал видимым. Внутри храмовых стен демиург взирает на саму себя в зеркало. Ты найдешь ее поглощенной ею самой; она спешит восхищаться своей увядающей красотой. Ты должен научиться всем этим вещам и многим другим, поскольку вскоре тебе придется пройти за те три двери, навстречу чему-то другому».

Слепой скульптор вновь приблизился к ним. Он провел пальцами по лицам жрицы и ученика. Он передвигал ладони медленно, чтобы запечатлеть формы в памяти своих рук.

Ученик возвратился в лес и присел под фиговым деревом один: он знал, что учитель никогда не возвратится. Оставаясь там долгие годы, он посвятил себя труднейшим из практик, нацеленных на очищение тела, и обнаружил многие новые способы добиться очищения. По-

рой он начинал верить, будто сиддхи уводят его от города Агартти, и чувствовал, что оказался в ловушке, в противостоянии двух непримиримых сил. Потом ему вдруг казалось, что вся Земля становится женщиной. Во снах он видел извивавшиеся камни, старавшиеся принять форму зверей, прокричать словами свою жажду жара животной жизни. Он взывал к ним во снах, умоляя поторопиться, чтобы звериное братство, в свою очередь, могло скорей превратиться в людей.

После явился рогатый бог на кривых ногах, игравший на флейте. Он принялся танцевать и петь: «Виноградник синь, вино красно, кровь танцоров горяча. Приди и войди в наш круг в лесу Вриндаван!».

Тогда ученик открывал глаза и молился об избавлении от пылающей страсти.

За годы он встретился с целым пантеоном богов, пел и молился им всем, почти бессознательно приготавливая себя к ритуалу, который должен был вот-вот случиться.

Постепенно ученик убеждался, что жрица храма теперь умерла. К этому времени он открыл способности смотреть и видеть: он постиг их, как различные действия, и понял, в чём состоит разница. Он научился тому, как действительно видеть цветок, дерево, животное или даже мысль. Для этого он должен был оградиться умом от мыслей и чувств: так, чтобы увидеть то, что высвечивает луч неличностного света. Его мир преобразовывался, когда он начинал слышать язык животных и камней, и различать оттенки света. Теперь он был достаточно зрел, чтобы понимать: каждая вещь имеет собственную душу и необусловленную, приходящую извне, жизненность.

Для этого ему вначале пришлось изучить собственное тело и познакомиться с тем инструментом, что позволял ему видеть и слышать. Однажды, пробудившись от одного из снов, он задался вопросом: смог бы он видеть и слышать без глаз и ушей? Чтобы узнать, он закутал свое внешнее тело с ног до головы. А после стал разглядывать

себя изнутри, изучая сердце, легкие, вены. Он продвигался вверх по позвоночному столбу, пока не добрался до черепа. Здесь он раскрыл глаза — и в то мгновение вперые увидел мир.

Он пользовался той же техникой внутреннего взгляда, чтобы успокоить тело и оглядеть себя, будто незнакомца. Достигая вершины древа, он открывал не обычные глаза, но третье межбровное око — в действии развертывания. Лепестки распускались, и отдыхавшая в бутоне пташка взмахивала крыльями.

Глубоко сосредотачиваясь на точке меж глаз, он оттаивал все мысли и переставал видеть образы. Он сел в позу лотоса и ритмично дышал. Через какое-то время шевеление рождалось в основании позвоночника, будто там раскрывался рот. Ощущение поднималось по хребту, распространяя в теле прохладу. Ритмичный прибой волн набегал всё выше, будто одновременно расширяя и разрушая тело. Когда волны пылающего льда подкатывали к горлу и принимались хлестать даже выше, он чувствовал, будто его вот-вот вытеснит в вакуум, который поглотит его эго и уничтожит для него всякую возможность самоопределения. Он думал, что противостоящие силы разорвут его. Ужас захватывал его: он застывал на грани смерти, стоя над краем бездны. Он сопротивлялся всей силой, ощущая, как что-то толкает его в спину. И тогда вдруг он возносился над пропастью в пылающей колеснице. Какое-то время, мгновение, он совершенно ничего не осознавал, и много после начинал ощущать себя — ощущать падение. Он летел вниз всё быстрее и быстрее, а потом оказывался мягко покачивающимся среди темных туч, крутился, будто посвятельная жертва обжаривалась на языках пламени. Он снова поднимался, проходя через область тонкого разреженного воздуха, и в сияющих голубых высотах ощущал себя легким и свободным.

А затем он вдруг снова оказывался узником четырех стен, уже скучая о той свободе, которой только начал радоваться. Он глядел на свои руки и понимал, что всё

испытанное случилось в одну секунду. И в то же время, в отдаленных эпохах глубинных миров он проводил столетия. Теперь он владел мудростью, способной открыть тайную келью. Там обитает Райский птах.

Всё же, это оказалось не так просто, как он надеялся. Каждый раз действие разворачивалось иначе, и он должен был преодолевать новые трудности. Теперь он был неспособен на тот спасительный прыжок, что удалось совершить раньше. Хотя он всё так же отправлялся в новые путешествия в своем астральном теле, посещая неведомые области и встречая существ других миров, на грани нужного момента всегда что-то случалось с ним, и он не мог продолжать. Его привыкшие к трем измерениям ум и эго стремились сохранить самосознание, и отчаянно сражались, чтобы заставить происходящее в тех чуждых мирах подчиниться привычному разумению. Две непримиримых вселенных сталкивались в битве. Одна была древней, затопленной пучинами, другая колыхалась на волнах поверхности.

И вот, в один день он вдруг оказался захвачен сильнейшими вибрациями; они пронеслись по нём, будто сотрясался ствол дерева. Он чувствовал, как некое вещество стремительно поднимается по хребту, изливаясь в ветви по тайным протокам, вращая колеса и позволяя цветам зацвести. Но, достигнув вершины, волна расшиблась о препятствие: эго вновь заявило о себе — сын жизни заступил путь сыну смерти. Эго желало направлять события и располагать их к своей выгоде. Вновь ученик ощущал себя скованным меж двумя силами, парализованным в полусознании, когда его ум мог действовать лишь частично. Поскольку выход оказывался запертым, вибрации, стесненные ограничениями эго, становились всё более жестокими. Юноша чувствовал, как вихрь разрывает его, и перед глазами замелькали кровавые вспышки.

В этот момент перед ним возникла чаша с водой. Будто повинувшись таинственному повелению, он погрузил

в нее невидимые руки и расплескал жидкость по телу. Вибрации стали утихать и вскоре к нему вернулась способность двигаться. Происходила ли вода из реки, что течет из головы Шивы на вершине горы Кайлас?

Истощенный этими переживаниями, ученик каулы даже не хотел раскрыть глаз. Ему казалось, он утратил всякую силу. Как будто он слишком долго взбирался на скалу, а теперь скользил вниз по каменному лику, покрываясь холодным потом. И тогда среди теней он увидел идущую к нему женщину. Склонившись, она отерла его лицо подолом сари.

Он не мог сказать, было ли это видение иллюзорным. Образ на мгновение вспыхнул предельной ясностью, но вскоре исчез, а после он услышал голос, сказавший: «я пришла, чтобы забрать тебя отсюда».

Вместе они жили в джунглях, и он прислуживал ей. Он заботился о доме, готовил пищу и приносил воду из ближнего фонтана. Порой она оставляла его, не говоря, куда уходит. Он терпеливо ждал, и был счастлив, когда она, наконец, возвращалась. Она рассказывала ему о своих духах и узорах; он же сделал ей тиару из цветов и ожерелье бирюзы и сапфиров. Она учила, как умащать ее тело благовониями и порошками. При этом она смотрелась в зеркало, в точности как богиня, изваянная на стенах храма. Когда она возвращалась из таинственных путешествий, он спешил омыть ее ноги водой, которую всегда держал наготове у двери избушки.

Спускалась ночь и лес оживал, полнясь шепотами. Они могли слышать лай гиен и ударяющий в кроны ветер. Чистым и сладостным голосом она запевала о божественной любви. А после они ложились на чистой поляне, под небом, отяжелевшим от звезд. Она спала на боку, положив голову на ладонь; он же вытягивался у ее ног.

В то время они будто жили во сне или разыгрывали события внутренней жизни. Он видел, как женщина ста-

новится богиней, подобной тем, что были изваяны на храмовых стенах. Луна росла и убывала, а он всё так же спал у ее ног. Она рассказывала ему о своем детстве, о ее забавах с другими детьми.

Ей тоже было интересно узнать о его детстве; ему же приходилось рассказывать даже о двух детствах: одном недавнем, а другое принадлежало к будущей жизни в далекой стране, где-то на юге мира. Ей это не казалось удивительным, и, глядя вдаль на верхушки деревьев, она рассказывала о городе, известном под именем Ур — там она играла с другими детьми.

Однажды ночью она попросила его лечь в постель, слева от нее. Ученик повиновался, и, скрестив руки на груди, неотрывно смотрел в глубокое небо. Она лежала на правом боку, спиной к нему. На следующий день она ушла на рассвете и вернулась только поздно ночью. Он ждал ее, пытаясь заранее расслышать ее возвращение в шорохах джунглей. Когда она появилась, он тотчас поднялся, чтобы омыть и умастить ее ноги.

В эту ночь она просила его лечь справа, и он чувствовал благоуханную грудь, мягко толкавшую его в щеку. Но он продолжал неотрывно глядеть в ночное небо. Ему казалось, он может различить там фигуру Кришны, пляшущего в небесно-голубом саду Вриндаван, окруженного всеми пастушками вселенной, но танцующего лишь с одной.

Проходили дни и месяцы. Она всё так же отправлялась в загадочные прогулки, но всегда возвращалась. В ответ на его вопрос, она сказала, что посещает мужа. Он понимал всё яснее, что жрица, внешняя женщина, всё больше преобразует себя в некую силу внутри него. Она давала жизнь давно угасшим воспоминаниям. В одну ночь ему приснились покрытые снегами горы, не Гималаи, но горы на юге мира. Женщина с голубыми глазами и светлыми волосами смотрела сквозь него, как если бы он был прозрачен. Он проснулся с лицом, залитым слезами, и понял, что увидел во сне то, что не сбудется еще тысячу лет.

Она утерла его слезы подолом сари, и умастила благовониями с той же нежной заботой, с какой он купал ее ноги вечером накануне. «Почему ты плачешь?».

Тогда он впервые взглянул на нее, как на чужую. «Потому что знаю, что мое колесо продолжит вращаться и завтра».

«Колесо Падмасамбхавы, вступившего в брак на вершине Древа Жизни, также продолжило вращаться. Тайный брак — плод чистого умственного сосредоточения. Он происходит из света единственной звезды. Ты всматриваешься в звезду, и если она пришлет тебе слова, сказанные твоей любовью — ты обручен навсегда».

Он же ответил: «Боюсь, я уже был обручен так — в будущем».

В тот вечер она учила его поцелую. Лежа обнаженной на траве, она привлекла его к себе. Обняв его длинными руками, она приблизила к его рту свои губы. Поцелуй был таким нежным — почти незаметным за тяжелым запахом жасмина.

На следующий день она ушла, и он знал, что этой ночью она не вернется. Он лег под дерево, сосредоточившись. Внезапно его пронизало сомнение: не видит ли он свою жизнь во сне?

По ценной древесине пола золотом и серебром была выведена новая янтра, очерченная цветным мелом и порошком сандалового дерева. В ней было девять отверстий-входов: воплощая вселенную, она также воплощала и тело человека. Это был лабиринт. В пространстве между входом в храм и янтрой был начерчен треугольник, и после другие фигуры, одна за другой: круг, шестиугольник и квадрат. Тем временем древние женщины и мудрые мужчины сверялись со звездами, вычисляя благоприятный день. Над янтрой была поставлена тренога, а на ней, в чутком равновесии — кубок. На пол поставлены роскошные блюда и два графина: один с вином, другой с водой.

С приходом ночи появился ученик каулы, одетый теперь в белую тунику. Волосы спадали ему на плечи, умащенные порошками, пеплом и маслом. Бросив взгляд на янтру, он начал танец, воплощая полет Райского птаха. Он танцевал вокруг янтры, выискивая нужный, относящийся лично к нему вход, и найдя — замер.

Двери храма открылись: вошли свидетели, каждый в сопровождении своей женщины. Они располагались вокруг уверенными ритуальными движениями, старательно избегая центрального пространства. Долгое ожидание затягивалось, но, наконец, появилась и женщина в долгом плаще, сопровождаемая двумя помощницами. Не открывая глаз, она двигалась словно во сне, но вошла в янтру без робости и колебаний. То же сделали и ее помощницы.

Затем он и она присели. Тут же раздалось слово, повелевшее пиру начаться. Пища освящалась мантрами, их пели слуги и свидетели. Вино и вода, освященные изысканными жестами, превратились в амброзию — одновременно кровь солнца и луны, и сперму, приносящую повторное сотворение дважды рожденному.

Вино было разлито в бокалы, и читалась мантра солнца:

Kang, Bang, Tapinyai, Namah
Kang, Bang, Tapinyai, Namah
Gang, Phang, Ngang, Nang
Chang, Dhang, Jhang, Tang, Nyang
Nang, Thang, Dang, Thang, Dang

А после сосуд был на три четверти наполнен вином, и дополнен водой. Пришел черед мантры луны:

Ung, Soma, Mandalaya,
Shodasha, Kalatmane, Namah

Вино теперь обратилось в нектар, разрушающий то проклятие, что веками делало его ядовитым. Теперь это бы-

ло волшебное зелье, позволяющее испившему его преступить порог. Потому его и называли кровью солнца и луны.

Тогда в жидкость были брошены цветы, представляющие мужчину и женщину, и они стали пить из двух кубков, передавая их взад и вперед. Зазвучала другая мантра, начинавшаяся с буквы G во славу Ганеши. С первым бокалом вина пара съела приготовленное мясо; со вторым рыбу; с третьим зерно. Ритуал преобразовывал запретную пищу в плоть богов. Когда они пили пятый бокал, свидетели запели, и загудел медный рог. Возлияния прекратились. Невидимый голос описывал благоуханные леса и полные цветов луга горы Кайлас, где Шива и Парвати танцевали, заключая магический брак.

Ученик каулы и женщина поднялись, позволив одеждам упасть на пол. Помощница приготовила чашу с водой. Они стали купать друг друга, а хор описывал тело женщины: это был сад наслаждений, храм солнца и луны. Ее живот был жертвенным алтарем; ее вульва хранила пламенные грезы двух миров. Ее волосы были благословенным зерном, освящающим почву, а мягкий пушок рук и ног — летним пшеничным полем. Ее налитые груди были вулканами, внушавшими ужас жителям долин, а ее длинные ноги были дорогами, которыми проходит паломник. Ее глаза были звездами, ее губы — молоком и медом.

И тогда она заговорила: «В моих устах пламень. Приди и испей его своими. Будь скор, возлюбленный; не медли».

И тогда на момент они будто впали в транс, потому что вода была чистой амброзией.

Покинув купальню, они были коронованы, король и королева, держащие в руках посохи—скипетры. Ученик сел, скрестив ноги. Прислужницы приподняли женщину, разведя ее ноги в стороны. Они подняли ее к лицу ученика, а после постепенно опускали, вдоль всего его тела, касаясь всех центров—цветков, пока, наконец, она не скользнула на его лингам.

Мужчина почувствовал, как проникает в женщину до глубочайших внутренних областей. Она же начала медленное ритмичное движение, а прислужницы, также обнаженные,

воспроизводили жесты и действия, запечатленные на стенах храмов Кхаджурахо. Это был ансамбль, совместно совершающий возрастающие колебания, и чей-то голос пел:

*Очистись, мужчина,
Только женщина остается,
когда всё другое потеряно.
Все прочие умерли,
Даже глаза Великого
Смежились.*

Ритм нарастал и делался всё более частым.

*Бич Смары
Играет с огнем
И пляшет на погребальных кострах,
Она носит венец человеческих черепов,
Благослови ее, восславь ее!
Она дает власть,
Она управляет неясным,
Она услаждает братьев каулы,
Она ведет их,
Рыдающих в счастье
К полному нектара озеру
И к вершине горы Кайлас,
Благослови ее, восславь ее!*

На мгновение она будто забылась, начав вскрикивать. Но тогда ее губы нашли героя, и на нём она бурно сыграла языком. Хор продолжал:

*Ужас и красота,
Ее тело — лес Дурги.
Дочь Матанги,
Жена Брахмы,
Кумари, Лакими,
Чистая, чистая!*

Всей силой средоточась на межбровном пространстве, он участвовал в каждой детали драмы, ощущая женщину повсюду вокруг, как прикасаются к ней его губы, как обнимают его ее ноги, как обвивают шею руки. Обнимая ее, он также старался защитить ее от нее самой, совершая неброский жест свободной рукой. Но сводящий с ума ритм, задаваемый женщиной, почти разорвал путы его разума, увлекая в свое неистовство. Это был момент величайшего испытания — и он знал, что должен открыть путь через некое новое вдохновение. В этот момент он подумал о своей умершей жрице — и тогда его семя проникло внутрь него самого, продвигаясь глубже, к основанию древа, и там был пробуждён пламенный змей. Подобно жидкому огню, он поднялся по стволу древа, раскрывая по пути цветы сада и высвобождая космическую музыку.

Он раскрыл глаза и с бесконечной нежностью обнял женщину, обласкав и успокоив ее.

Но пир еще не был закончен. Свидетели жаждали насыщения, и яством для них была его собственная плоть.

II. ПИРЕНЕИ

Город встречал время торжества. Тут и там на улицах запевали люди, балконы повсюду были старательно украшены гирляндами цветов. По булыжной мостовой узкой улочки шагал рыцарь, ведя за собой лошадь. Его продвижению то и дело препятствовали тесные собрания людей, одетых в яркие костюмы: они громыхали тамбуринами, дули в трубы и играли на флейтах. Под пролетом арок рыцарь столкнулся с юной девушкой, и решил расспросить ее о происходящем. Он узнал, что суета вокруг — фиеста в честь Мая, а после девушка добавила: «Может быть, это последняя фиеста для нас, ведь Доминго-монашек запретил соловью петь». Вот что красавица рассказала рыцарю: когда мужа нет дома, соловей поет о том, навестит ли ее любовник. Цветы же должны уберечь Каркассон ото зла.

«Скажи-ка», решил попытать счастья рыцарь, «ты знаешь, где живет архидьякон Санс Морлане? Я хочу его видеть».

Она ответила, что Санс Морлане — катар, скрывающийся от инквизиции, и отыскать его сегодня будет особенно сложно, ведь в Майский день все переодеты и носят маски. Мужья сделались любовниками, а любовники — мужьями. Всё перевернуто с ног на голову.

«Что ж, на самом деле, так всё и происходит в жизни», пробормотал рыцарь.

Тогда к ним подошел старик, случайно услышавший их разговор. «Это древний пир Королевы Мая», объявил он. Сняв маску, он оказался вовсе не старым, а вернув себе юность, стал целовать девушку. Стало понятно, что и он на самом деле — девушка, а другая, та, что прежде отвечала на вопросы рыцаря, страстно возвращала ей ласки. «Я никогда не узнаю, кто ты, но зато знаю, что люблю тебя», сказала она. Оказалось, она принадлежала к числу трубадуров.

Вечером рыцарь, наконец, сумел встретиться с Санс Морлане. Он нашел его в базилике, у арки левого нефа;

тот был одет синюю мантию и стоял над могильным камнем. Рыцарь обратился к нему, рассказав о своем желании отправиться в Монсегиур.

«А ты — катар?», спросил тот. «Ты принял Утешение?».

«Нет. Но я видел сон о любви. Я видел, как она манит меня с другой стороны подвесного моста. Она пыталась передать мне тайну. Я должен пройти по мосту, чтобы войти в замок, через одни из пяти ворот».

«Но в Монсегиур ведут только два входа — один на севере, другой на юге. На самом деле, вход даже один, ведь северный предназначен только для тех, кого зовут Совершенными».

«Во сне я всегда слышу два имени», настаивал рыцарь. «Два названия: Монтабор и Монсегиур».

«Но разве ты катар?».

«Разумеется! Как иначе я узнал бы твое имя, узнал о твоей смерти, как смог бы я увидеть тебя, стоящего на твоем же надгробии?».

«Ты прав», отозвался он. «Только тот, кто живет в будущем, может придти сюда, не подвергнув нас опасности. Что же, хорошо. Отправляйся в Фанжо, где живет последний катар. Семь веков понадобятся тебе на его поиски. Его имя — Рок Марсу. Ты также мог бы постараться встретиться с Эсclarмондой де Фуа».

Покинув цветочный город Каркассон, рыцарь отправился в Фанжо, пробираясь через затканые туманом ландшафты; повсюду из мглы доносились тревожные звуки бряцающего оружия: окружая Каркассон, зрела война. Наконец, достигнув труднодоступного убежища, рыцарь нашел последнего катара, Рока Марсу. Он посмотрел ему в глаза, и не сказанные слова сделались ненужными: двое мужчин узнали друг друга.

«Мы встречались раньше. Ты ведь уже приходил ко мне, чтобы я прочел твой гороскоп и зарисовал цвета твоей души? Но сейчас здесь нет мальчика, что подал бы мне кисти».

«Сейчас я пришел, чтобы спросить дорогу к Монсегиуру».

«Всегда расспросы о горах. Я ведь уже говорил тебе, что Монсегюр не снаружи, а внутри. Отчего же ты продолжаешь поиск во внешнем мире?».

«Таков мой долг. И потом, я хочу увидеться с Эскармондой. Не она ли возвела Монсегюр?».

«Это так. Она сделала то, что велели ей сны». И тогда Рок Марсу отвел рыцаря к месту на Руа де Кастелю, где семь сотен лет назад возвышался замок Фанжо.

«Но здесь одни руины. Едва ли камень на камне».

«Ты возвратился слишком поздно. Прошли века с тех пор, как замок Монсегюр захвачен и разрушен».

Рыцарь замолк, оглядывая руины и размышляя: прошлое или будущее он видел во сне.

Скоро последний катар прервал его размышления.

«Раз уж ты здесь, я поведаю тебе тайну. Всё это — твое личное предначертание. В склепах Монсегюра в глубоком сне лежит прекрасная дева. Никто никогда не тревожил ее сон. Ее сон сохраняется Совершенными. Они же ожидают спасителя, который должен придти издалека. Когда дева пробудится, Монсегюр будет разрушен, и Совершенные погибнут в пламени».

«Но я пришел, чтобы спасти Монсегюр, а не разрушить его. Нет, конечно же, я не стану ее будить!».

«Совершенные делают так, как знают; ошибиться они просто не могут. Они действуют согласно собственному предназначению, и управляемы кем-то, кто измышляет их, воображает во снах их существование. Может быть, дева направляет их. И для них разрушение Монсегюра обернется триумфом. Потому — отправляйся к деве, и пусть она станет твоей госпожой. Сегодня спасти Монсегюр ты сможешь только так и никак иначе».

Глубоко взволнованный и встревоженный, рыцарь покинул последнего катара. Изможденный и голодный, он отправился в таверну, где спросил вина и хлеба. За соседним столом сидел трубадур.

«Давным-давно», начал он, «мы ваяли храмы. А сегодня строим их только из строк наших стихов».

«Получается, ты веришь в перевоплощение? Разве ты не знаешь, что это запрещено?».

«В него верят Совершенные», ответил тот. «И этого для меня достаточно. В короткий момент настоящего нам не позволено упоминать о перевоплощении в наших песнях, но если Монсегюр выживет, ты увидишь, как широко распространится это представление; и даже несмотря на сомнение Совершенных: они не уверены, имеет ли действие перевоплощения отношение к любому и каждому. По-настоящему его понимают только те, кто принял Утешение».

«А ты принял?».

«Я слеп», ответил трубадур.

«Почему же тогда тебе не спеть песню?».

И трубадур запел:

*Я возведу замок,
Так искусно, как только сумею:
Деревья и цветы,
И полные пташек сады,
А на стройных башнях,
Высоко наверху,
Рыцарь найдет свою даму,
И знаки своей любви.*

*Первая дверь раскрыта,
Вторая всегда на замке:
Так, чтобы ей испытать
Верность избранника—воина,
Убедиться, что он достоин
Вызывать ее восхищенье.*

*Раскрытые двери и окна
Впускают прохладу полей,
Ведь своды здесь так тяжелы,*

*Как любовь, что не знает конца.
Даже открытое пламя студёно
В сравнении с жаром любви.
Кто обретет тот дворец,
Наконец, найдет и покой.
Никакому врагу не сломать
И не взять его стен.
Таково святое послание,
Что несу я из дальних далей.*

Трубадур замолк. Рыцарь напротив него задремал, склонившись над деревянным столом, положив голову на руки. Он снова видел во сне подвесной мост. Одетая в белое дева появилась на другой стороне. Она взывала к нему: «Поспеши, перейди мост. Ты и я — одно».

Одиноким рыцарь принялся скитаться по горам, и однажды случайно набрел на пещеру. Он обосновался внутри, оставаясь здесь дни и месяцы. К нему приходил трубадур, принося пищу; вскоре он сделался постоянным, хотя и малозаметным компаньоном рыцаря. Как-то трубадур выразил радость от того, что рыцарь выбрал пещеру своим убежищем. Столетия назад Совершенные вырезали на сводах своих горных пристанищ знаки: рисунки человеческих лиц, рыб и голубок.

И мало-помалу рыцарь стал различать на скалистой стене изображение лица женщины, странно знакомой. Мужчина был взволнован. Он не мог знать, кто оставил этот рисунок или кого он изображал — но по неясному наитию стал относиться к нему с почтением и обожанием.

В глубине пещеры струился ручей, к звукам которого рыцарь прислушивался в вечерних размышлениях, прежде чем уснуть. Ему казалось, он слышит голоса забытых времен и далеких краев. И вместе с тем, повисая у темных сводов пещеры, давало знать о себе особое послание, понять которого он не мог.

Вновь запел трубадур:

*Как сказал Парцифаль,
Когда был ещё жив:
«Будь крепок и смел,
Не вопрошай, кому служишь,
А иначе утратишь
И копьё, и Грааль».
Когда я вижу вас, Дама,
Всё прочее гаснет,
Я хочу лишь сказать вам, молить,
Но не смею.
И дни напролет я живу во снах.*

И рыцарь также стал жить во снах, располагаемый к тому разреженным воздухом пещеры. Мало-помалу он сделался одержим видением того лица, что смотрело на него со стены пещеры. Вновь и вновь он принимался задавать ему вопросы. И, наконец, сумеречный лик затрепетал, отделяясь от стены — а у входа в пещеру складывались формы женского тела. Женская фигура была безлика, но, приблизившись к каменному лицу, взяла его в руки и приставила к голове, а тогда обратилась к рыцарю.

«Теперь, наконец, я могу говорить. Я буду говорить от имени всех прочих, ведь наставница их наставников — это я. Вся суть и бытие Совершенных в моих руках. Я прихожу из далеких далей. С помощью катаров и трубадуров я овладею всей этой местностью. Я — Мать, и только я знаю тайну».

Рыцарю казалось, что однажды он слышал те же слова в другом месте; всё нестерпимей делалась его жажда встречи с Совершенными, которым он смог бы задать прямой вопрос. Потом он вспомнил совет трубадура: нужно было торопиться, поскольку фрагменты его личной драмы могут просто исчезнуть. И, кроме того, свои тайны катары раскроют не чужаку. Рыцарь вышел к устью пещеры и крикнул, позвав трубадура — но ему

отозвалось только эхо собственного голоса. Не дождав-
шись, он уснул в траве.

На заре трубадур принес ему козьего молока. Ры-
царь рассказал, как звал его, желал знать, где тот был.
Потом спросил, долго ли еще нужно оставаться в пещере
— ему не терпелось отправиться в Монсегюр. Времени
оставалось мало: замок был осажден. Рыцарь отчаянно
рвался в путь.

Трубадур же ответил, что для достойной подготов-
ки нужно не менее двадцати лет обучения. «А ты как дол-
го был здесь?».

«Несколько столетий», отвечал рыцарь. «Дай—ка
подумать, сейчас 1244 год, а сюда я пришел из Азии в
900. Но всё же, в некотором смысле я ощущаю, что про-
был здесь только несколько минут».

Весна и лето прошли, повинувшись трубадуру. Власть
искусства над природой была достаточной для того, что-
бы отпеть время прочь и перетасовать поры года. Такой
была одна из песен:

*Когда дни прирастают в Мае,
Я прислушиваюсь к соловью.
И гуляя перед рассветом,
Размышляю о своей любви — столь далекой.
Я так печален и источен страстью,
Что ни цветок, ни песня
Не ободрят моего выстуженного сердца.*

Начал падать снег, и над зевом пещеры нависли со-
сульки. Но рыцарь не чувствовал холода, и на самом деле,
вовсе отстранился от мира. Тело его будто само стало со-
сулькой, а ум отправился в странствие, перемещаясь с
проворством неугомонной птички.

В первый полет он умчался к подножию горы, и от-
туда стал взбираться по узкой тропе: высоко вверху он ви-
дел каменное жилище. Ему потребовалось немало време-

ни, чтобы подняться к небольшому дворику. Здесь ворота преграждали вход в тоннель, ведущий внутрь горы. Оставив коня снаружи, рыцарь распахнул ворота. Свет, сияющий внутри, будто не имел источника. Туннель привел странника к округлой комнате; маленькая дверца отворилась, и он вошел. Изнутри всё было залито ярким светом зеркал — они вздымались на стенах слоями, будто рыба чешуя, до самого верха горы. Что-то заставило рыцаря понять: место, где он сейчас находится, вовсе не принадлежит никакому времени, ни личному, ни историческому. Он поднимался в гору разума, находясь на изнанке событий, скользящим сквозь времена, скрывающимся в тех тенях, что отбрасывают светильники. Вглядываясь в долгий тоннель, ведущий к вершине горы, он видел, как кто-то смотрит на него из окна каменного дома, и дает знак: «Путник, уходи; возвращайся в свое собственное время».

Внизу, у подножия горы, простиралось озеро глубокой зеленой воды.

И всё же, даже если здешнее пространство не имело никакого отношения ко времени и месту Монсегюра, приключение рыцаря было как-то переплетено с судьбой замка, иначе он не смог бы продолжить свой поход. Но рыцарь предпринял еще одну попытку найти Монсегюр, и в особом смысле нашел его, хотя и ошибся во времени: на вершине горы он увидел руины замка Монсегюр, обломки каменных стен — ему предстояло достичь вершины, чтобы оказаться среди них. Был яркий и ясный полдень под синью кристальных небес, и льющийся отовсюду свет заставлял снег полыхать. Рыцарь прошел мимо камня, на котором была выбита надпись: дата и несколько слов. Путник продолжал взбираться по крутым холмам, дорога становилась всё труднее, ведя сквозь снег и льды; в конце концов, рыцарь решил, что не сможет продолжить восхождение, и ему придется спуститься. В обратный путь он пустился в весьма мрачном и безысходном расположении духа, время от времени останавливаясь и

оглядываясь на каменные руины, оставшиеся недостижимыми на вершине горы.

Добредя до места, откуда впервые увидел развалины замка, он задержался, чтобы обернуться на них в последний раз. Ему пришло на ум, что за весь день не увидел он ни человека, ни зверя — только стародавние каменные стены Монсегиора. Тогда ему привиделось нечто, будто простершееся от руин к голубому небу: пара рук, сложенная в молитвенном жесте, умоляя о помощи. Рыцарь ощутил, что воспринимает послание из другого мира: область чрезвычайно чистого света посылает ему знак любви. Существовали эти каменные руки, или нет, но их образ, вырисовавшийся против снегов горных вершин, глубоко тронул его — он впитывал поданный знак, не смея прервать зрелище ни жестом, ни движением. Он не достиг вершины, это верно. И он пришел не в то время. Но то, что он переживал теперь, давало понять, что его усилия не пропали白напрасну — но были замечены и приняты благосклонно. Пусть он не был допущен к вершине, но его попытка приветствовалась. Тогда рыцарь понял и то, что еще не готов для последнего испытания. Он должен был возвратиться в пещеру и вновь созерцать лицо Матери.

Однако лицо исчезло. Он обыскал всю пещеру, пробирался в самые глубокие расколы и расселины, голыми руками отирая со скал снег и лед. А потом вовсе стал сомневаться: было ли то время, случилось ли так, что в пещеру приходила женщина, и надела лицо на голову, будто маску. На дне омута отчаянных сомнений возникла новая фигура. Она вошла в пещеру босоногой, одетая в долгое, почти касавшееся земли, белое одеяние. Не касаясь сталактитов, повсюду пронизавших внутренность пещеры, она ступала, широко распахнув глаза, и повесив руки, будто плети, подходя к той стене, что когда-то хранила изображение женского лица.

«Я спустилась с горы, даже несмотря на то, что я сплю и остаюсь во сне. Я спала веками, и ждала тебя, что-

бы ты пробудил меня. Если ты не сделаешь этого сейчас, здесь в пещере, Монсегюр никогда не будет разрушен».

«Я пришел защищать Монсегюр!», воскликнул рыцарь.

«Но ты сам спасешься не прежде, чем он будет разрушен», возразила она и, вытянув вперед руки, придвинулась к рыцарю. Приближаясь, она источала запахи цветов иного мира, вытяжку сути из древних гробниц. Рыцарь дрожал, и слезы струились по его щекам. В полумраке пещеры он заметил белое пятнышко меж ее пальцев.

«Проказа», подумал он. «Я уже видел ее в другом мире».

И тогда он опустился на колени перед женщиной.

«Я сделаю то, чего ты хочешь. Я буду повиноваться твоим желаниям, и буду следовать за тобой всюду. И тогда однажды я разбужу тебя, и пусть падет Монсегюр. И если будет мне в том помощь от Бога, я приму ее не иначе, как из твоих рук».

Более трех веков она проспала под горой, на которой воздвигнут замок Монсегюр. Совершенные нашли спящую и охраняли ее покой. Они знали, что замок выстоит ровно столько, сколько продлится ее сон. Рано или поздно твердыня будет разрушена — Совершенные знали это, но оставались безмятежны. Временами они почти желали пробуждения спящей.

Совсем немногие знали о существовании ее опочивальни, и почти никто — о проходе у подножия горы, что ведет туда. Темное пространство с голыми стенами, каменное ложе посреди, и дева, укрытая прозрачной вуалью, будто невеста. Руки скрещены на груди, волосы ниспадают по обе стороны ложа, ноги босы. Тепла в спящей было не больше, чем нужно, чтобы отличить ее от умершей.

Иногда посреди ночи она открывала глаза и разгибала руки. Собрав волосы, ходила внутри своего покоя. Она даже выходила наружу, через тоннель, ведущий к вершине горы. Совершенные, стерегущие замок, в тот же момент ощущали, как она поднимается с ложа-могилы у подножия горы. Они не делали ничего: только смотрели,

с любопытством и затаенной радостью, замороженные таинством ее существования. Продолжая нести стражу, рыцари вздыхали, глядя, как она проходит вдоль зубцов стены, или задерживается у дозорного огня, будто стараясь согреться. Слепо раскрытыми глазами она вглядывалась вниз, в долину, и дальше — за реку, надеясь увидеть спасителя: того, кто всё же должен был прийти.

После первой встречи она надолго ушла, и никак не давала о себе знать. Вновь пришел трубадур с лютней, и, усевшись рядом с деревом у входа в пещеру, сказал так: «Теперь ты — проситель. Тот путь, каким ты идешь, был раскрыт мне первым трубадуром. Он же получил послание от сокола, что сидел на золотой ветви в Эдемском саду, на дереве почти самом древнем». Трубадур также счел нужным повторить: «Монсегюра достигнет лишь подготовленный». И сказав так, ушел.

Наконец, возвратилась и она: погруженная в сон, остановилась в сугробах у пещеры, и вновь обратилась к рыцарю: «Усади меня, и заведи беседу. Ты можешь сделать со мной всё, что захочешь. Я ничему не буду противиться».

Рыцарь же ответил сдержанно: «Но это я простираюсь у твоих ног, надеясь стать зеркалом твоему прекрасному образу. Я надеюсь, мои слова достигнут источника твоих снов, и изменят их. Твоя прекрасная белизна и чистота оправдывают тяготы моего паломничества, бывшего столь долгим. И я вижу отметины крови и раны на твоих стопах. Они покрыты и песком: пылью пустынь, которыми ты брела тысячелетиями. Твои длинные ноги — будто колонны храма, или долгие тропы, которыми я странствовал. Твой живот — долина луны, знавшая торжества древних ритуалов. Твои груди — вершины горы, в которой ты спишь, твой лоб — лунный серп, что встает над северными воротами Монсегюра. Твои глаза — тот мост, который я до сих пор не пересек, но он принес мне послание, заставшее меня посреди темнейшего часа ночи. Твои бледные руки и пальцы изранены обломками гробниц — тебе понадоби-

лись века, чтобы выбраться из них». Он умолк, а она, дрожащая, приближалась: раскинув руки и выставив открытые ладони, стараясь отыскать его лицо. Спящие глаза девы раскрыты, но смотрят сквозь странника, в ночь.

«О, мой любовник... если ты хоть когда-нибудь станешь моим... если только однажды придет та ночь, когда я смогу лечь с тобой и обхватить тебя нагими руками. Я даю тебе всю свою любовь, и свои глаза, и свою жизнь». Ладони нашли лицо. Она мягко привлекла его к себе, и тронула губами — будто коснулась и мгновенно растаяла снежинка.

А после ушла, скользя над плоскостью льда, будто ступая по лунному лучу.

Трубадур по-прежнему приносил рыцарю еду. Он говорил, что в замок любви ведет пять врат, три из которых еще предстоит открыть. Трубадур не пел больше: ему нечего было добавить к тому, что сказала женщина.

Рыцарь же вступил в новый круг удовольствий. Он исполнялся экстаза, дни и ночи его были отмечены тонкой осознанностью. Он гулял по выбеленному лесу, и всякий раз, чувствуя снежинку на лице, или увидев вспорхнувшую птицу, вспоминал поцелуй, подаренный ему дамой. Во всё большей степени он посвящал свою жизнь ее образу: затворничество девы сделалось его одиночеством, пелена ее сна обволакивала его.

Пришедший трубадур принес весть: дева придет сегодняшней ночью. Рыцарь велел встречать ее у входа в пещеру.

Он воображал, как она готовится покинуть замок: в сердце горы она расправляет руки, до того скрещенные на груди, и, не прерывая сна, поднимается с каменного ложа. Безмолвно скользит по темным проходам, и излучаемый ее фигурой холод заставляет потускнеть огни факелов, когда она проходит мимо. И вот, рыцарь уже понимает, что она вошла в лес, в глуши которого таится его пещера — потому что чувствует такой холод, что плоть

его сгорает в лихорадочном ознобе. Она появилась, смотря глубоко ему глаза, но не видя ничего. Потом позволила своему наряду соскользнуть с плеч, вначале обнажив груди, а потом и всю себя. Она стоит перед ним нагой, дрожа от волнения и холода, но на лице играет победная усмешка — и рыцарь узнает взгляд Матери, следивший за ним прежде со стен пещеры.

Не двигаясь, парализованный опасливым экстазом, рыцарь ласкает взглядом тело девы, вновь и вновь бормоча единственное слово. Женщина источает неосязаемое вещество, проникающее в рыцаря. Он понимает ее магическую власть, и чувства его устремляются за пределы любви и желаний плоти. В тот миг он стоит лицом к лицу с видением, восставшим из бездн времен — и ее безмолвное присутствие дополняет фрагменты его понимания, образуя целостность.

Когда же закончится бесцветная зима? Когда же растает снег, растекутся льды? Запоет ли снова соловей?

Не колеблясь, она возвратилась к ложу рыцаря, устроенному из веток и шкур. Обнаженная, склонилась над ним, чтобы раздеть. Потом улеглась рядом, скрестив руки поверх груди, и смотря на свод пещеры, но не на него. Захваченная снами, она глядела в свое собственное небо, больше никому не видимое, а после заговорила:

«Мой рыцарь, мне не следует приходить к тебе. Это ты должен придти ко мне, к подножию горы. Ты вошел в круглую каменную гробницу, где лежу я — мертвая или спящая. И теперь ты должен пробудить меня, пользуясь полученными от меня наставлениями. Мне нужны твои ласки, прикосновения твоих губ и ладоней. Начни от волос, захвати мои груди, задержись на них, проверь, крепка ли осада твоих пальцев. Мои груди — плоды золотого дерева, два солнца, что сияют, когда их касаются подушечки твоих пальцев. Мягко прижмись к ним губами, и оттуда двигайся вниз, к животу, к глубокому ночному небу. Приложи здесь голову и слушай мое тенистое серд-

це. Скользни ласками рук к моим ногам. Меж моих колен я дам тебе надежное пристанище».

Дева дрожала так крупно, что казалось, вот-вот пробудится от сна. Обхватив рыцаря, она возвращала ему всё тепло, что отнимала у него раньше. Ее руки ласкали его, касаясь сплетений, что спали до того — и целые миры восставали в его плоти. Она провернула ключ и оживляла неявные энергии его плоти.

Рыцарь сохранял ум настолько пустым, насколько мог. Он знал, что должен позволить ей действовать. Единственная неосторожность разрушила бы всё. Она больше никогда не проснется, и тогда Монсегюр не будет ни разрушен, ни спасен. Он думал о том, сколь многие рыцари потерпели неудачу в этом последнем испытании, называемом Асаг.

«Моя любовь», сказал он с величайшей осторожностью, «упокой голову на моей груди. Ты готова проснуться от долгого сна. И потому мы оба должны жить в этом новом измерении, в состоянии пробужденного сновидения».

Еще раз лицо Матери появилось на стене пещеры. Изгибаясь, оно освободилось от стены и приблизилось к рыцарю. «Приди, возьми меня! Возобладай мной, как воин, как завоеватель, захватчик. Я отдам тебе на пожранье свое сердце, и мы обменяемся кровью».

«Теперь слишком поздно», отозвался он. «Я связан с другой. У любви есть лишь одно назначение — и это сплавление сердец».

Женское лицо померкло. Вновь возвратилась дева, и, прижимаясь к рыцарю, целовала его раскрытыми губами. Испуская дыхание в его тело, она отдала ему свое сердце.

«Теперь у тебя два сердца. Ты должен отдать мне свое — так, чтобы и я могла жить».

И рыцарь поцеловал ее так же, как она целовала его; он выдохнул в нее и отдал ей свое сердце.

Сидя у входа в пещеру, рыцарь думал о сделанном. Его сердце теперь слито с ней, а дух его имеет собствен-

ное, обособленное сознание. Сердце — это зеркало, в котором любовник видит возлюбленную.

Теперь рыцарь вошел в Монсегюр. Он прошел в самое сердце девы, хотя при том и не покидал своей пещеры. В двух местах он пребывал одновременно. Он знал всё, что происходит с ней и переживал ее ощущения. И она так же жила внутри него. Сделав сердца центром своего существа, они изменили способ сознания. Рыцарь видел ее сны и смотрел ее глазами. Он знал о ее горестях и экстазах, а она — о его. У него теперь было женское сердце, а у нее — мужское. Сплавление означало, что жизнь каждого стала более велика: сердце каждого обзавелось крыльями. Они могли перемещаться в пространстве и посещать замок, пещеру, подножие горы, где собирались вражеские армии, и никто не мог задержать их. Субстанция, тонкая, как дуновение ветра, неслась от нее к нему, и в нём обретала осязаемую жизнь, так что оба всегда были смешаны.

Наконец, сошли снега. Рыцарь покинул пещеру и поскакал к Монсегюру. Он знал дорогу, ведь сердце его уже было там. К нему присоединился и трубадур, и рыцарь приветствовал его словами: «Навяжем же врагу бой и уничтожим в нас всё, что способно погибнуть. Запой песню, что поможет нам пробиться сквозь осаду».

Взяв лютню, трубадур запел:

*Жарким летом наибольшая радость
Когда ураган разорвет сонный покой земли.
Кровавые молнии — лучшая краса черному небу,
И ярость громов — наилучшая песня.
Истерзает тучи безумный вой ветров,
И Божий меч разобьет горизонт.
Веселит меня солнца восход кровавый,
Приветствую стрелы его, пронзающие тьму,
Природа бури наполняет меня ликованием
И рождает в устах неукротимые песни,*

*Когда вижу презрение к перемирию.
Восстает — один — против всех!*

И пусть запоют мечи, орошаясь багрянцем.

По горной тропе они поднялись до вершины, ко входу в замок Монсегюр. Подвесной мост был опущен, встречая гостей — и она стояла на другом конце, возвещая: «Мы едины!».

Теперь он мог перейти мост.

Трубадур, следовавший за ним, будто тень, закончил здесь свое приключение, и, покидая рыцаря, сказал так: «Твоя история — не о любви, как наши, но еще древней и таинственней. Твоя — солнечная история любви без любви; о том, что было потеряно в Потопе. И я лишь ее отблеск. Песни трубадуров говорят о любви обычных мужчин и женщин, а твоя — о возвышенном приключении короля. Вот твоя спящая красавица — королева, и ты, ее любовник — король».

Дама вела рыцаря по замку. Стражи приветствовали его в большом прямоугольном чертоге. Все они уселись за столом, каждый со своей спутницей. Дева замкнула круг, встав рядом с рыцарем, а он ждал того, что должно было произойти. Она заговорила:

«Драгоценный любовник, где же мое сердце?».

«Оно здесь, в моей груди, бьется вдвойне: каждый удар повторяет два имени — твое и мое. Это сердце стало зеркалом, но также и песочными часами — по ним я знаю, сколько времени у меня еще есть».

Сидевшие вокруг стола рыцари кивнули, выражая согласие: пришедшему было позволено стать частью круга и усадить подле себя свою даму — теперь он вошел в число защитников Монсегюра.

Позже она показала ему покои замка, укрепления и коридоры тайных проходов; показала и тайную келью в основании горы, столь долгое время служившую ей усы-

пальницей. Высокие башни замка озирали каждый уголок Пиренеев. И когда они стояли на дозорном пике в после-полуденном свете, она рассказала, как здешние горы веками были прибежищем святых. Когда великий Потоп утащил в пучину материк боголюдей, когда третья луна пала на Землю — ключ к знанию древних гигантов был сохранен и сберегался здесь, в горах: только горы могли выжить, переходя из старого мира в новый. Грааль на самом деле был осколком каменной короны Люцифера, упавшим на планету. Люцифер потерпел поражение, и корона разбилась на тысячи осколков, рассеянных по небесному своду. Лишь когда соберут их все, Люцифер будет оправдан и вновь займет престол. Он — утренняя звезда и страж любви. Камень, упавший на Землю, был сердцевинной частью разбитой короны. Он сиял ярче солнца, и был подобен замерзшему пламени бело-зеленого света. Ему свойственно объединять рассеянное и возвращать к истоку. Найти его могут только те, кто шагает задом наперед. Это талисман, связующий отдельного человека с утренней звездой. Столетиями он передавался из рук в руки. Он происходит с Востока, но был унесен оттуда, и, наконец, оказался здесь. Если Монсегюр падет, его отправят в далекие земли, возможно, еще неоткрытые. «Но всё же, Монсегюр навсегда останется особым местом: его история будет переходить через века, преобразуя жизни всех знающих».

Она подняла ладонь, чтобы заслониться от лучей вечернего солнца, и он снова заметил белесую отметину меж ее пальцев. Указывая на Пиренеи, она рассказала об укрепленных пещерах Орналак и Черной горы, где воспитываются искатели великой тайны. Вся долина образует собой храм, а центр мира помещается там, где находится талисман. «Мы должны двигаться дальше», заключила она, «и нести с собой сокровище, пока оно не достигнет последнего убежища: Венеры, утренней звезды. Там мы заново соберем корону, такую же прекрасную, какой она была до разрушения».

Он осмотрел замок, чтобы узнать как можно больше о подземных проходах. Он считал его своим домом, но в то же время чувствовал скованность: стены твердыни ограничивали его. И, в конце концов, рыцарь попросил отвести его к северным воротам, желая посетить Совершенных, живших снаружи, и подготовиться к грядущей великой битве.

Мгновение она пристально глядела на него. А после взяла за руку и провела по пустому коридору. Вскоре он ступил за арку северных врат, оставив ее позади.

Снаружи царила совершенная тишина, воздух был недвижим и прозрачен. Пологий склон вел к краю утеса, а за ним вздымались сияющие белые горы. У обрыва располагалась горстка хижин, полускрытых за кустами и деревцами. Всё пропиталось тусклым бледно-лиловым светом.

Рыцарь подошел к одной из хижин. Окон не было, зато была распахнута дверь, и он не замедлил войти. Посреди комнаты сидел на скрещенных ногах Совершенный. Его раскрытые глаза смотрели в одну точку, а на лице застыла призрачная улыбка. Он был будто в трансе, и когда заговорил, губы не шевелились, а звук доносился будто откуда-то из-под крыши.

«Diaus vos benesiga. Входи».

Долгое время сохранялось молчание. Потом, словами или нет, рыцарь спросил, где он.

«Разве ты не понимаешь», донесся ответ, «что ты посещаешь руины замка, разрушенного семь веков назад? Всё, что ты видишь — призрачная тень чего-то, что столетиями не существует на Земле. Оно существует только в свете далекой звезды. Ты приходишь сюда из будущего. Ты смог сменить направление на пересечении плоскостей света. Возможно, ты в параллельном времени, где Монсегюр и существует, и разрушен. Но падение Монсегюра всегда происходит, всякий раз с другими последствиями. Даже несмотря на то, что эти параллельные времена и плоскости могут пересечься, они отделены друг от друга.

Они как колокола, гудящие в закупоренных вселенных, каждый в своей. То, что случается здесь на Земле, уже имело предшествующее существование где-то еще, в другом уплотнении света и протяженности времени. Ты и я участвуем в отдаленной драме Монсегюра — и в то же самое время, каждый играет главную роль в личной драме внутри самого себя».

Совершенный сидел без движения, и блеклый свет играл на его лице. Казалось, будто он снова заговорил: «Мы противились браку и телесному сношению, поскольку они порождали новые тела, которые могут стать только новыми жертвами разложения, пасть под гнетом ничтожности и смерти. Вместо этого мы желали сношения разумов, бракосочетания умов, подобного тому, что свершается в тайной церемонии внутри замка. Таково подлинное посвящение, истинный секрет сокровища Монсегюра».

Как сказано, перед самым падением замка, четыре рыцаря тайно покинули рухнувшую твердыню, спустившись с обрыва на серебряных нитях. Они уносили с собой сокровище Монсегюра. Имена троих известны; но имя четвертого остается тайным.

III. АНДЫ

Полуденное солнце просеивало лучи сквозь густую листву и заросли папоротника, и воздух оттого светился зеленью. Повсюду среди сосен были рассеяны красные цветочки лапажерии, а в воздухе разливался всепроникающий запах темных лесных чащ.

Через лес пробирался всадник; на лбу коня ярко светила звездочка белой шерсти. Проезжая под великими деревьями, путник погружался раздумьями и ощущениями в открытость и благожелательность лесов, в приятное бормотание водопадов и ручьев. Единственную опасность здесь представлял свет: он рождал влечение, мечту о невидимых существах, населявших это место ранее — и не исчезнувших бесследно. Время от времени конь замедлял шаг или вовсе останавливался, раздувал ноздри и тихонько ржал, будто указывая на их присутствие.

Они продолжали путь, пока не вышли из леса на открытую долину. Впереди вздымалась массивная цепь Андских гор, укрытых снегами. Весь долгий день конь нес своего седока к подножию гор, а на закате мужчина спешил и привязал скакуна к дереву. Сам же подошел к похожему на пещеру углублению в скале. Появившийся оттуда отшельник зашагал к нему, вытянув руки: длинная борода и хлопающее на ветру пончо. Подойдя к мужчине, он вытянул руки и положил ему на плечи. После пробежал пальцами по его лицу — тогда мужчина почувствовал, будто это уже случилось с ним раньше: те же самые пальцы слепили его лицо в некоем ином веке.

Они присели у костра, и мужчина обратил внимание на голубые глаза старика. «Я не удивляюсь тому, что ты слеп. Но я не ожидал, что твои глаза будут голубыми, а кожа — белой. Я думал, ты будешь дикарем с черной гривой и монгольскими чертами».

«Это обсудим позже. Вначале расскажи, зачем пришел».

«В здешних краях живет мудрец, знающий о целебных травах всё — так мне сказали. Я же ищу средство, которое поможет исцелить мою подругу. Ведь в здешней части света есть некий лекарственный корень, может быть, мох или смолка — достаточно сильный, чтобы спасти ее».

«Нет снадобья, что сумело бы исцелить ее. Ее болезнь — в ее крови». И старик заговорил о том, как растения и минералы подражают органам тела. Медуница, например, очень волокниста и сама похожа на легкое, лапажерия — это полный крови колоколец, а роза — хлопья запекшейся крови. «И в этих горах скрыт мертвец. В груди его роза».

«Я пришел за снадобьем...».

Но речь отшельника нельзя было прервать: «У луговой иволги тоже красная грудка. И она помогает мне найти нужное зелье. Тебе же не нужно будет нести зелье твоей подруге, достаточно только коснуться его ладонью — а после положи ту же ладонь ей на грудь. Болезнь, съедающая ее, поражает невидимое тело; суть недуга в неравновесии видимого и невидимого тела, в помехе тому дыханию, что связывает их вместе. Важны и звезды, ведь и они влияют на человеческие тела. Когда родилась твоя подруга, каков ее камень?».

«Топаз».

Отшельник продолжал говорить, будто ничего не слыша: «Южный полюс испускает оранжевое свечение, он — половые органы планеты. Оранжевый свет излучает и левая сторона тела».

«Я всё же не понимаю, почему ты бел. Разве ты не должен быть индейцем?».

«И Кетцалькоатль был бел. Ведь Америка раньше называлась Албанией — белым материком белых богов. Здесь они сохраняли невещественную субстанцию, некое питьевое золото. Наверное, именно его ты желаешь добыть для своей подруги. Но тебе будет проще дать его ей, если она умрет».

Затем он рассказал о двух путях, которым можно следовать. Первый сух и относительно короток. Второй

длиннее, и известен влажностью и мокротой — всё потому, что это путь слёз.

Старый отшельник погрузился в молчание, а мужчине посетил воспоминание: он ел золотые и серебряные листья — но не смог вспомнить, где и когда это было.

«Путь, о котором я говорю, заброшен уже долгое время, лишь немногие следы остались теперь на высочайших из гор». Всполохи пламени отбрасывали тени на лицо старика. Наконец, он произнес: «Возьми для нее этот высушенный цветок; он создан огнем».

Мужчина брел через город. Вечерний свет уже залил склоны близлежащих холмов, когда он подошел к дому подруги. Открыв дверь, она за руку ввела его в темный коридор. Причиной их дружбы был общий интерес: каждый старался отыскать миф, лежащий в основе собственной жизни. Оба были членами орденов; но он не знал, как был устроен ее орден, и подобен ли он тому, в какой входил он. И всё же, было совершенно ясно: они связаны происхождением, и их предназначения переплетены.

«Ты должна отдыхать. Вечереет, а тебе не следует утомляться».

Она молча склонила голову; он отнес ее в спальню и уложил на кровати. Укрыв шалью, подложил под голову подушки. Она сняла красную мантию, оставшись в белой накидке. Белокурые волосы собраны вместе серебряной лентой — она подняла руки, чтобы поправить их, и рукава накидки соскользнули, обнажив тонкие изящные руки с голубыми прожилками вен. На мгновение длинные нервные пальцы погрузились в золото волос. Она застыла, будто поглощенная раздумьем, а после улыбнулась. Он заметил приход особого выражения, порой посещавшего ее лицо.

«Где ты был?».

«Я нашел отшельника на юге. Он передал тебе высушенный цветок: говорит, он сделан из огня и не теряет лепестков».

«Что еще он рассказал?»

«Что Америка раньше называлась Албанией, землей белых богов: Кетцалькоатля, Контики и Виракоча. Ты что-нибудь знаешь об этом?».

«Да».

Он присел на краешек постели, а она заговорила, взяв его за руку. Книга Еноха, труд, написанный до Потопа, говорит о расе существ, чьи волосы подобны руну, а кожа прозрачна. Их происхождение очевидно нездешнее, они пришли из иного мира. Пророк Енох был извлечен из нашего мира, вознесся в пламенной колеснице. Другие древние писания упоминают великанов, которые будто бы возвели великие каменные сооружения в Тиуанако, на острове Пасхи, в британском Стоунхендже и многих других местах. Они насыпали мыс Горн и Нан Матал в Тихом океане у Каролинских островов, всего около пятидесяти искусственных островов. Эти великаны были обоеполы, нося женскую суть в мужских сердцах. Их правая сторона испускала синий свет, а левая — оранжевый.

А потом что-то случилось. Никто не знает, пала ли на землю луна, или произошла иная катастрофа — но великаны исчезли или им пришлось отступить глубоко в горы. И до сих пор они ожидают там возвращения бывшего солнца: того светила, что когда-то обогревало их мир — мир прошлого, такой, каким его знали они.

Есть и другое объяснение этой катастрофе: великаны влюбились в дочерей человеческих, и утратили обоеполость. Когда силы их женственности выплеснулись наружу, зародились двойственные существа: отчасти телесные, отчасти духовные. Теперь на Земле присутствовали две расы: полулюди-полубоги, произошедшие от смешения великанов и дочерей человеческих, и потомки людей. Первая раса была связана с вездешными течениями посредством силы, называемой Вриль. Их цивилизация первоначально развивалась на севере, на великом полярном острове, столицей которого был Туле. Он был окружен заснеженными горами, но сердцем его был теплый зеленый оа-

зис. Кожа мужчин была бела, а волосы походили на руно. Длинные золотые локоны женщин развевались на ветрах.

Арктические создания обладали способностью к предвидению. Они носили лунный камень, как знак своей власти, и изумруды — в память о Венере. Они же ввели практику магической любви, назначение которой в повторном соединении противоположностей, встрече полюсов. Их работа знаменовала возвращение к миру великанов; это было паломничество, возвращение блудного сына в потерянный дом, движение к изначальной точке за пределами времени. Но жизнь этой высокой цивилизации оборвалась. Туле исчез, и полюса сделались необитаемыми. Зеленый оазис гипербореев растекся туманами.

«Там ли был мифический сад золотых яблок, населенный улыбчивыми зверями?».

«Животным тоже было отведено место в сердце мужчины», отвечала она, «в то время, когда мужчина был цельным и завершенным. Но не все гиперборейцы погибли, когда исчез Туле. Некоторые укрылись в горах и основали цивилизацию, процветающую — до новой катастрофы. Обнаружив, что бедствия циклически повторяются, выжившие основали два подземных города внутри Гималаев. Они назывались Агартти и Чампула — там сберегалась связь с внеземными течениями, посредством Вриля, там продолжали учить ритуалам магической любви. Там хранился и изумруд, на поверхности которого записана неземная мудрость гипербореев. Только немногие из учителей умели прочесть эти знаки. В Чампуле обучали тому волшебству, что способно создать мыс Горн и другие скалистые возвышения, утвердив их над Землей. Жители городов старались воссоздать силы, необходимые для таких свершений, и надеялись преобразовать свой вид, вернуть себя к великанам изначалия — прежде чем их корни окончательно сточит влияние человеческой составляющей».

«Разумеется, все эти события символические, они указывают на внутреннее развитие. Прозрачно-белая кожа, руно и золотые локоны не принадлежали этому миру. Это

не телесные черты, они указывают на невидимые тела. Буквальное понимание мифа, как просто возвращения к потерянной родине, низводит его к мелочам и отнимает силу».

Рассказ утомил ее, дыхание сбилось. Всё же, ее слова и ее присутствие наполняли комнату торжеством господства.

«Здесь, в южном краю, волшебный город великанов известен под разными именами: Град Цезарей, Трапаланда, Паитете, Элелин и Гран Куивира. Кто-то из испанских завоевателей знал о его существовании — и прибыл сюда, движимый желанием разыскать именно его, а не обогатиться золотом».

Она замолчала. Он пригладил ей волосы, а она улыбнулась еще раз. «Ты должен обещать, что будешь искать этот город и возьмешь меня туда. Войти могут лишь немногие. Так получается всегда: кто-то падает или оступается, и другой идет вперед вместо него, тайно продолжая его путь, принимая мантию избранного».

Хотя было поздно, мужчина решил навестить своего наставника, полагая, что тот каким-то образом уже узнал о его беседах с отшельником и женщиной — а значит, ожидает его прихода. И всё же, придя на место, он нерешительно застыл у порога. Тогда дверь открылась сама, и оказалось, что наставник уже ждет — он шагнул в сторону, чтобы пропустить пришедшего.

Оказавшись в кабинете наставника, мужчина увидел раскрытой книгу Ордена. В ней были записаны имена всех участников Андской ветви. Его имя тоже было там, вписанное рукой наставника. Рассмотреть внешность наставника было невозможно из-за чрезвычайной выразительности черт: глаза его были слишком яркие, а черты подвижны и остры. Обычные рост и телосложение, но при том в нём ощущались исключительные жизнестойкость и внимание.

«Наставник, я хочу узнать ваше мнение о моем опыте. Я долгое время не приходил сюда — а теперь очень хочу поговорить с вами о происходившем».

Наставник выразил согласие. Мужчина начал рассказ об отшельнике, пересказал и то, что его подруга поведала ему о гипербореях. Он описал ее болезнь и спросил наставника о средстве, каким ей можно было помочь. Долгое время наставник оставался нем; всё же, сострадание было ему совершенно чуждо, поскольку он находился все человеческих пределов.

«Женщина умаляет священное назначение нашего Ордена. Сейчас ты должен преодолеть эти человеческие привязанности. Мужчина двойственен сам по себе: внутри себя он носит женщину. Внутренность мужчины женственна, а женщины — мужественна. Посвященный, к какому бы полу он ни принадлежал, не нуждается в партнере; каждый должен быть способен исполнить свое предназначение самостоятельно. Наверное, ты позабыл о смысле магической свадьбы. Единственная значимая свадьба совершается внутри тебя. Все воины нашего Ордена действуют на возвышенном уровне. Мы не интересуемся учениями или легендами. Наша война идет в плоскости за пределами человеческих чувств; это борьба с самим собой — с целью достижения целостности, бытия мужчиной—магом, а это очень отлично от бытия святым. Мы не мистики, но воины, и я уже дал тебе и знак, и меч. Они помогают провести изменения, и являются универсальными, действующими и на видимом, и на невидимом плане. И потому ты должен идти в битву. Больше тебе ничего не нужно».

«Знак связует вселенные, объединяет параллельные времена; твои личные вибрации позволяют им заключать соглашение. Если ты начертаешь на теле тот знак, что я дал тебе в последний раз, и сосредоточишься на пространстве меж бровей, остановив все мысли — так, чтобы открылся третий глаз — ты покинешь физическое тело и спроецируешь себя во внешний план. Ты унесешься к

сиддхам Агарти и в Град Цезарей. Но ты должен носить при себе свой меч, чтобы поразить неприятельские силы, что загородят тебе путь. Ты должен идти в бой, чтобы отвести приближающуюся катастрофу. Нужное число избранных должно пройти через три открытых двери, выходящие на запад».

Теперь он не мог спать. Он ворочался в постели с бока на бок, пока в окно не засочился серый рассвет. Тогда мужчина провалился в короткую дрему. Перед ним появился симпатичный юноша с широким лбом, он нес цветок. Подойдя к краю кровати, юноша положил цветок на грудь мужчины и склонился, чтобы поцеловать его в щеку. Комната пропиталась запахами детства, и мужчина спросил: «Кто ты? Я не могу вспомнить твоего имени». Юноша улыбнулся и ответил: «Я был твоим другом в детстве. Я вырос телесно, но духом остался ребенком». И видение исчезло.

Вскоре мужчина стал видеть сны о детстве. Он взбирался на скалы с девчонкой своего возраста. Вдруг его спутница сорвалась и стала падать. Он успел схватить ее за руку, и держал так долго, как мог. Но мало-помалу хватка слабела, и девичье запястье выскользывало. Девочка смотрела на него неотрывно, и за мгновение до того, как их руки разъединились, он увидел глубину ее ужаса, который, кажется, заволок собою целый мир. Последний крик ее застывал в разорванном воздухе.

Он проснулся, сжимая подушку, будто вцепившись в камень скалы. И тотчас снова провалился в сон, сон без сновидений, до самого вечера.

Поспешно одевшись, вышел на улицу. Его увлекли мысли детства, детские сны и воспоминания. Где-то далеко, совсем не в этом городе, он когда-то поцеловал в щеку товарища по играм — точно так же, как тот возвратил поцелуй во сне. Сейчас мальчик, наверное, мертв, но поцелуй остался в памяти. А ту девочку, что сорвалась со скалы, он видел во снах нередко — хотя на самом деле

ничего подобного никогда не случалось. Мужчина гадал: переживает ли он во сне трагическое событие одновременного, параллельного существования. Ему чудилось, что его земная жизнь не такая уж настоящая — в сравнении с чем-то иным, происходящим где-то не здесь, но всё же имеющим прямое отношение к его повседневному существованию. Казалось, будто кто-то другой направляет события его жизни. И девочка из снов казалась ему знакомой: подруга детства, с которой они бегали взапуски и взбирались на холмы, окружавшие город. Она как двойник, всегда была рядом, защищала его и старалась завоевать его восхищение. Ее бледное лицо обрамляли густые черные волосы, а глаза были будто ночная вода. Когда она сорвалась со скалы, ее волосы еще долгое время трепетали над бездной.

Мужчина продолжал шагать вперед, обнаруживая со всё большей отчетливостью: его представления о любви и смерти всегда оказывались связаны, переплетены, смешаны. Он никак не мог забыть этой девочки и думал, что с ней случилось. Действительно ли она упокоилась на дне ущелья? Часто она представлялась ему его первой любовью — и при этом казалось, будто она была мертва еще до его рождения. Часто мужчине приходилось ощущать будто бы влияние некой предшествующей ему, предсуществующей любви — и эта любовь была препятствием, отделявшим его от наставника и от ордена. Мечту о любви передали ему предки, из истока, который нельзя было определить, так же, как нельзя было от него и отречься. Но мечта угнетала и давила его всю жизнь. Она принимала формы то представления о борьбе, сопротивлении, которым нужно было найти выражение, то приказа, которому должно было подчиниться, как религиозному велению. Он желал обнаружить те фантомы, что управляют его существом — лишь так он мог помочь себе.

Снова оказавшись перед домом подруги, он заметил приоткрытую дверь, и тотчас встревожился. Бросившись в дом, он нашел ее лежащей на постели — белье пропиталось

кровью. Она молчала, а он, всё еще пребывая во власти сна, мог думать только о девчонке, сорвавшейся с утеса.

Он склонился над ней, мягко касаясь ее волос, будто пытаясь развеять чары происходящего. Он целовал ее сочащиеся кровью губы, глотая кровь, ощущая сладкую горечь.

Принеся полотенце и миску с водой, омыл ей лицо и руки, переменял белье. Наконец, она заговорила. «Боюсь, прошлый вечер исчерпал мои силы. Но я не жалею — так всё равно должно было случиться, в любом случае. Теперь мы брат и сестра. Между нами заключено соглашение: ты испил моей крови, и должен дать мне своей. Задолго до того, как мужчины полюбили женщин, они любили друг друга, и становились кровными братьями. Чувства не могут длиться без обмена дарами». Помолчав, она продолжила: «Какими странными мы кажемся, будто спящими бредом по неизвестно куда ведущей дороге». Она сказала, что легкие ее снова полны крови, и попросила искупать ее, поскольку сама уже не могла этого сделать.

Он поднял ее на руки, а она опустила голову на его плечо, рассыпав золотые волосы по его груди. Перед зеркалом он поставил ее на ноги, осторожно придерживая, и снял сорочку. Она оглядела свою наготу, и сказала: «Этим телом я больше не могу любить, но теперь оно всё меньше мне нужно. А наша любовь будет исполнена в других телах».

Она стояла вытянувшись, распрямив плечи, подняв подбородок и свесив руки. Ноги ее были длинны и тонки, и кровь в ней оставалась будто только в запекшихся потехах на стопах и ладонях... она была будто распята. Он снова взял ее на руки и опустил в ванну.

Купая ее, присел в ногах. Она смотрела на него вниз, далекая и отстраненная, а после ткнула пальцем в свой бок, в ребра прямо под грудью. Там появилось белое пятно, будто отметина от удара копьём.

Она коснулась его головы ладонью, и сказала: «раздаться и омойся со мной». Он сделал так и лег рядом, держа ее за руку.

«Когда я умру, ты будешь носить меня в себе. Мы станем едины: я буду жить в тебе. А некоторая твоя часть умрет вместе со мной — и вместе со мной сгниет в могиле. Я стану твоей душой; лицо и тело твоей души будут тогда только моими. То есть, твоя душа обретет личность. Она будет сознавать себя — я отдам тебе свою вечность. Это и будет нашей свадьбой».

Они лежали вместе, будто запечатанные забвением.

«Сегодня, когда исполняются наши предназначения, ты должен говорить мне о любви. Цветок любви будто исчезает. Молодые не заботятся о нём, и значит, любовь перестанет существовать в качестве духовного опыта. Но мы обменялись кровью, мы брат и сестра. Моя суть уже бежит в твоих венах, перемешанная с твоей кровью, и я стану любить тебя даже еще больше, когда окажусь мертва. На земле такое случается только один раз и больше никогда».

«Мне кажется, я уже любил так однажды. Жрица в храме... или это была женщина в горной пещере. Я гадаю, ты ли это была. Это мои сны, или другие воплощения? Я гадаю, встретимся ли мы снова за пределами времени и памяти...».

«Я никогда не существовала раньше, и никогда больше не буду существовать. Такое случается лишь однажды. Сейчас мы в центре вещей, в сердцевине, определяющей всё. Когда я уйду, кто-то, кто существует в твоей крови, какой-то предок, научит тебя о перевоплощении, и о том, что ты можешь обрести в нём. Всё, что связывает разные истории вместе — это рассказчик. Всё, что имеет значение — это ангел любви. Мы живем и умираем ради него. Мы помогаем ему понять его замыслы: он воспринимает их, только когда мы разыгрываем перед ним назначенные роли».

Приближалась заря, утренняя звезда едва успела появиться. «Нам следует молиться», сказала она. «Я научу тебя нужным словам, чтобы ты мог всегда повторять

их, когда меня уже не будет. Произноси их с преданностью, и я появлюсь, как сияние этой звезды».

Позже он получил письмо: «Очень поздно, но я не могу спать. Я будто соскальзываю, падаю в пустоту. Не отпускай меня, не дай мне упасть. Всю свою веру я вкладываю в тебя — чтобы ты помог, и не позволил мне умереть до конца, насовсем. Ты должен спасти меня: уронить меня в себя, а не в пустоту. Ты не можешь переменить наших предназначений. Я должна умереть — так, чтобы ты мог жить.

Живи я дальше — что случилось бы? Я стала бы просто еще одной любовью, разрушенной с течением дней, превратившейся в безразличие. Но со мной случится иное. Я никогда не превращусь в мать-пожирательницу. Высшее предназначение любовника — отвергнуть вечность и подарить ее тому, кого он любит. И я дарю тебе свою вечность. Я упаду в твою душу и наделю ее самосознанием. Я останусь вечно юной. И когда ты умрешь, ты упадешь в меня, соединишься со мной внутри. Если ты не преуспеешь, всё пропадет втуне, и ангел любви повернется к тебе спиной.

Но сейчас я слишком устала. Приходи завтра снова. Один ритуал мы еще не провели».

Одетая в длинную белую сорочку, босоногая, с серебряной лентой в волосах, она стояла посреди комнаты. Прямо за ней — резная деревянная фигура крылатого мужчины, сложившего крылья, прижав их к бокам. На кушетке резное сердце, тоже крылатое, из того же красного дерева.

«Ложись на мою постель. Пусть мои вибрации проникнут в тебя. Это крылатое сердце — наше, оно — единение мужчины и женщины. Оно знает, как взлететь к небесам и как возвратиться. Мы отправимся с ним и станем едины в нём».

Лежа с закрытыми глазами, он ощущал на лбу ее ладонь. Мало-помалу погружался в дремоту, но всё еще

слышал ее слова: «Любовь включает не двух, но четырех. Один, два, три... Вначале ты любишь физическим телом: мужчина, который ты, любит женщину, которая я. Женщина внутри тебя, твоя душа, любит мою душу — мужчину во мне. Такая любовь может быть бесплодной внешне, но она дает рождение вечному сыну, крылатому существу. Итак, четверых мы описали, а пятый и есть наш сын, крылатый муж, и он также — сын смерти».

Называя всех, описывая каждый раз всё более подробно, она будто увеличивалась в размерах и становилась полупрозрачной. Ее свет заполнил комнату. А потом, лежа навзничь, он увидел: она склонилась над ним, сжимая в руке нож. Пронзив его сердце, она заменила его другим — крылатым.

Всё в большей и большей степени ее глаза отражали свет иной вселенной. В один из вечеров она вновь позвала его. «Знаешь ли ты», шептала она, «что металл, помещенный в огонь, теряет сущностную часть своей силы? Именно потому кузнечный огонь должен быть холодным — не теплее смерти, таким же замерзшим».

А позже он услышал шум в комнате; будто кто-то, приоткрыв дверь, ступал теперь босиком по полу. Она сидела в кровати, вытянув руки, и неестественно широко раскрытыми глазами неотрывно глядела в угол.

Сорвавшись, она упала со скалы.

После того, как гроб опустили в могилу, он пошел прочь, просто туда, куда могла увести дорога. Вдруг почувдилось, будто он слышит голос: «Не уходи. Не оставь меня одну». Тогда он вернулся и оставался над краем могилы, замерев под полуденным солнцем. Он ощущал поток, поднимающийся из могилы и медленно проникавший в него — будто накатывающая волнами дрожь. Долгое время он стоял там, не двигаясь и даже не думая, позволяя этой силе увлечь себя; пока постепенно вибрация стала слабеть. Наверное, умершая отдала ему дух своей

крови, свой последний остаток. Наверное, это и есть тайна свадебной церемонии.

Мужчина провел многие годы, исследуя южные окраины мира, пытаясь отыскать зачарованный город. Невозвратимый поток гнал его всё дальше на юг, ведя к Полюсу. Он искал тот «белый остров в небе», о котором рассказывают в народе йон. Его упоминают и маги селкнамов на Огненной Земле: этот странный народ верит, что в город можно войти только в «уайиюуэн», невидимом теле. А вырастить себе такое тело может только маг йон. Добравшись до самой Антарктики, мужчина искал там оазис с теплой водой — как говорят, посреди всех льдов должна существовать Тиерра Верде, Зеленая земля юга. Он искал и Белого солнца, холодного пламени, однажды существовавшего на Северном полюсе, но теперь переместившегося в Южный.

А потом настал день и он возвратился. Верхом на коне с белой звездочкой на лбу, он медленно следовал дороге. Он воображал, что его любовь рядом с ним: она уговаривала его не опускать рук. По ее словам, цель поисков может появиться уже за следующим поворотом, или совсем скоро всадник получит известие из зачарованного города. Быть может, отшельник сумеет помочь.

Мужчина поражен и озадачен: как это он не вспомнил об отшельнике раньше? Вновь повернул в лес, и отправился к пещере, где когда-то встречался со старцем. Стены пещеры были украшены скромными рисунками. Странник зажег свечу и водил ладонью по стенам, пытаясь найти лицо. Он был почти уверен: раньше на стене было лицо. Уже собравшись покинуть пещеру, он запнулся о груды костей — на камнях тлел скелет милодона.

Снаружи его ждал шаман-араукан. Говорил он с трудом: язык его был рассечен вдоль. Мужчина спросил об отшельнике. «Отшельник?», переспросил шаман. «Здесь нет отшельников. А тебя я уже видел раньше. Но тогда ты был один, а теперь ты здесь с женщиной; вон

она, сидит на коне. Кто она? Вначале я подумал: может быть, ты — Витраналве. Ты знаешь, его конь делается больше всякий раз, как он садится на него».

Но мужчина настаивал: «Ты должен помнить. Тут был отшельник, белый мужчина — слепой».

«Здесь никогда не жили отшельники. Может быть, ты разговаривал сам с собой, или с призраком милодона. А может, гномий анчималлен вошел в твое тело. Или может, ты Имбунче — ведь я заметил: ты шагаешь задом наперед, и твои стопы смотрят назад».

Он покинул индейца и вновь оказался посреди леса. Сквозь спутанную листву проникало достаточно света, чтобы питать папоротники и раскрывать лепестки колокольцев лапажерии. Повсюду вокруг маньо, раули и дикие эвкалипты наполняли воздух дурманящей силой ароматов. Он спешил и сел на землю. Вдалеке стучал в ствол дятел. Перед ним лежало поваленное поперек реки дерево. Засмотревшись на него, он вдруг заметил, что к нему идет девчушка. Ей не больше восьми лет, одетая в голубое в горошек платье, белокурые волосы подрагивают в шепоте ветерка.

Она перешла поток по ветхому стволу и подошла к нему. Взгляд, каким она смотрела на него, был ему знаком. «Я пришла с другой стороны, чтобы встретиться с тобой. Ты же должен идти в противоположном направлении. Продолжи поиск!».

Солнце склонялось к закату, когда мужчина достиг озера, окруженного крутыми скалами; поток низвергался в озеро с утеса, рождая мягкий глубокий рокот. Он разделся и вошел в воду. Умершая, всегда бывшая при нём, плыла рядом. Они приблизились водопаду, наполовину скрытому тенью утесов. Вода расходилась в стороны мягкими зелеными кругами, и течение колыхало его, медленно приближая к подножию скалы, где скрывалась пещера. Поток внес его вовнутрь, он увидел свисающие вокруг сталактиты. Схватившись за один, и оглядевшись, тотчас заметил совсем рядом, на стене, алый цветок лапажерии. Ощутив

его знаком послания, не посмел тронуть растение. А оглянувшись через плечо на мертвую женщину, увидел — ее нет. «Наверное, ушла в затененную часть пещеры? Или течение увлекло ее на другую сторону?». Он выплыл наружу и поспешил к водопаду, ища ее. Он испугался: что, если она захлебнулась в водовороте?

Выбравшись на берег, оделся. По-прежнему терзаемый сомнениями, гадал, что случилось бы, позволь он току воды внести себя в пещерные глубины; не могло ли оказаться так, что пройдя всю тьму, он нашел бы за ее пределом новый свет — или может быть, даже Град.

И вот, как и должно было однажды случиться, он вернулся в старое родовое поместье. Раньше этот дом был сердцем огромных владений, возраст его исчислялся веками. Под зданием же тянулось множество подземных переходов; туннели поддерживались полусгнившими сваями. Здесь тлели кости и ржавели цепи — неприглядные останки неосвобожденных пленников. Кто-то верил, что подземные туннели достигают даже центральной площади города; по ним можно было дойти и до гор.

Пройдя по гулким доскам старой веранды, он вошел в дом; постройка представляла собой группу мощных двориков, связанных коридорами. Здесь он нашел даже некоторых из старых слуг — они сидели в сломанных безногих стульях, ловя тепло редких солнечных лучей. Слугам было позволено остаться: они принадлежали к традиции дома так же, как мебель и живописные полотна.

Мужчина объявил, что останется здесь — и для него была приготовлена комната на верхнем этаже; ее окна выходили в один из старых двориков. Стол с канделябром, старая затянутая в кожу книга со ржавыми застежками. Вместительный шкаф, стул с высокой спинкой и узкая кровать с балдахином. На стене — портрет одного из предков.

Мужчина упал на кровать и застыл так на несколько дней, глядя на истерзанный молю бархат балдахина, лишь изредка задремывая. Никто не приходил к нему,

слуги даже не стали предлагать обед. Иногда он видел себя: уцепившись за скалу, он старался спасти девочку, бросившуюся за край. Он старался не поддаваться эмоциям, чтобы суметь всмотреться в ее лицо и узнать — кто она, и что чувствует? Тогда стало ясно, что она не испытывает страдания, на лице ее — улыбка преступного соучастия. Ухмылка делалась всё более широкой, превращаясь в гримасу беспомощной ярости. А потом лицо разбивалось на куски, таяло вдали и исчезало.

Он поднялся с кровати, сжимая меч, и присел на стул перед портретом предка; постарался очистить сознание от мыслей. Казалось, от пола поднимаются дрожащие волны, затопляя комнату. Перед глазами появился цилиндр, полая труба, и она начала медленно вращаться. На одном ее конце сиял оранжевый свет, и будто бы крошечная фигурка выходила из полости наружу. Он вздрогнул и пришел в себя, свет погас и труба исчезла. Перед ним стоял предок, одетый священником. Странные телесные ощущения рождались близким присутствием умершего единокровца: он узнавал самого себя в кистях рук и узорах вен пришедшего, ощущение родства захлестнуло его. И вместе с тем, он заметил и иные черты, принадлежащие чужой стране.

Предок внимательно оглядел его и заговорил: «Да, такова дорога слёз, и она более тягостна. Мне это хорошо известно. Бог благословит тебя и поможет тебе!».

Мужчина ответил: «Как получается, что я могу видеть в тебе еще кого-то, или даже двух, трех других? Это ли подтверждение перевоплощения? Я ощущаю, будто происходящее сейчас уже случалось раньше, в иных краях и временах. Персонажи, кажется, вечно воспроизводят себя, со всё возрастающей силой».

«Возможно, нам следует до времени отложить беседу о том, что ты называешь перевоплощением. Это, знаешь ли, не очень подходящий мне предмет».

«Но позволь мне рассказать о том, как я узнал о перевоплощении», настаивал мужчина. «Когда мне было около четырех лет, я стал ощущать собственную лич-

ность, эго. Я смотрел на других людей, и говорил себе: “Интересно, а ощущают ли они собственные личности так же, как и я?”. С тех пор я всегда был зачарован этим вопросом, зная к тому же о том, что мне придется умереть. Я пришел к выводу, что когда я умру, какой-то другой человек примет мое ощущение личности, мое эго. И тогда уже он станет мной — тем, кем сейчас являюсь я. Другие объяснения выглядели совершенно нелепыми. Если мое самоощущение должно совершенно погибнуть — никто никогда не будет чувствовать того, что чувствую я сейчас. Я не могу принять такой идеи. И наоборот, я верю, что чувства и мысли часто повторяются, возникают вновь — и это продолжится. Вот что я имею в виду, говоря о перевоплощении. Старое самоощущение продолжится в будущем. Один способ чувствовать свое “я”, существовавший в прошлом, снова появится. Я понимаю, что объяснил не очень-то хорошо, но выразить это представление почти невозможно».

«Но отчего же индивидуальное самоощущение не может просто прекратиться, навсегда?», переспросил предок. «Появиться лишь раз — и больше никогда? Никто больше не будет чувствовать и думать в точности так, как это делаешь сейчас ты. Эго прекращается и перестает существовать. Каждое поколение рождает новые существа, они отличаются от тех, что были прежде. Но это не имеет значения, ведь единственно важным остается родство крови. До тех пор, пока ты можешь окунуться в реку крови всех тех, кто был до тебя, и воспринять ее ритм и мелодию, ты можешь причащаться к тому счастью, что невозможно вместить в узкие границы отдельной скоротечной жизни. Ты выживешь, существуя в семейном архетипе, за гранью времени и пространства. Острота осознания этого кровного родства зависит главным образом от чувствительности последующих поколений. Вот что означает перевоплощение: я выжил, или перевоплотился в тебе, потому что мы оба слышим эту тайную мелодию. Так умеют не все, и потому перевоплощение — явление нечастое».

«Ты имеешь в виду, что мечта о вечной любви — просто семейный мотив, который нам предначертано вновь и вновь исполнять и переосмыслять?».

«Наш род, тянувшийся столетиями, пришел сюда в поиске тайного элемента. Часть нашего наследия мы восприняли от человечества, не принадлежащего этой планете. Ты последний, кто пришел в этот дом, но кто знает, расцветет ли снова твоя ветвь? И всё же, в тебе оживаем мы все, любя и страдая. Ты достаточно силен, чтобы раскрыть гробницу и выпустить нас в дневной свет. Но ты не единственный, кто совершил такое. Мой дед, мой отец, и я сам — все мы были так же одержимы: отвергали телесную любовь ради вечной любви, осознаваемой за порогом смерти. Наследие нашей крови всегда настойчиво доказывало возможность такого индивидуального посвящения. Задача нашей семьи — восстановить эту возможность, которая в последние годы утратила привлекательность. Нам нужно сделать это прежде чем придет конец, прежде чем старый дом развеется пылью».

Предок исчез, оставив только портрет на стене; черты изображенного на полотне лишь отчасти напомнили потомка, возвратившегося домой.

Он внезапно почувствовал голод. Распахнулась дверь и в комнату проникла тень: один из старых слуг принес поднос с едой. «Мне было приказано служить тебе. В старые дни у нас было семь трапез в день, но теперь всё иначе. Больше мне никто не платит настоящими золотыми эскудо. Но я остаюсь здесь — потому что всегда был здесь, и мне больше некуда пойти».

«Это неправда», возразил мужчина. «Тебе прекрасно известно, что мы встречались в других местах. И я не хочу твоей еды. Я не испытываю телесного голода, но я хочу, чтобы ты, мой верный друг, как и прежде, провел меня прямо к воротам Города».

«Что же, тогда пойдем», ответил старик.

Они пошли долгими коридорами, оказавшись, наконец, во внутреннем дворике; на стенах здесь росли цветы. Послеполуденное солнце играло на металле решеток и дереве покосившихся оконных рам. Старик остановился и хлопнул в ладоши. Тотчас из комнат появились женщины в черных платьях и неярких плащах. Они засмеялись и стали хлопать в ладоши: «Он возвращается», кричали они, «он возвращается, чтобы играть с нами, как прежде».

«Это йевулфы», объяснил старик. «Ты не помнишь о них? Я такой же».

«Что такое йевулф?».

«Помощник: кто-то, кто играет с тобой в игры. Разумеется, ты должен помнить».

Они кричали и скакали в вечернем свете. «Давайте сыграем», крикнула одна, «давайте завяжем ему глаза».

Они схватили его и обвязали платок вокруг головы. Потом стали кружить, не переставая смеяться.

Он умолял их снять повязку — но в ответ получал только требование рассказать о предмете своих поисков: «Где она? Где ты ее спрятал?».

Сняв, наконец, повязку, они ввели его в одну из комнат, где у огня сидели другие женщины. Их лица были скрыты за деревянными масками, и они вязали маленькие коврики.

«Мы вяжем свадебное платье для твоей невесты», сказала одна. «Но на самом деле, предмет, который мы вяжем — твоя душа. Душа сама по себе не существует, но должна быть выделана: соткана, связана, будто коврик. Какую ты желаешь? Выбирай цвета».

Другая женщина показала ему большущие ножницы. «Они нужны, чтобы пресечь нить жизни. Ее нить я уже обрезала», — женщина рассмеялась из-за маски.

И тогда, увлеченный порывом, он сорвал с нее личину. Открывшееся лицо принадлежало девчонке, упавшей в пустоту. Оно разбилось на куски, оставив безликое тело, черный остов.

Тогда возвратился предок. «Ты неверно сделал, посетив другие части дома без моего дозволения. Разве ты не знаешь, что это за дом? Это твое собственное тело, и теперь ты живешь здесь». Он вытянул узловатый палец и ткнул в живот молодого мужчины.

«Ты должен спуститься в подвал, прежде чем ты поднимешься в башни, хотя в определенном смысле здесь нет ни верха, ни низа. Нет никакой разницы, откуда ты выходишь, и куда приходишь. Но — что бы мы ни делали, вначале мы должны посетить Изначального Предка, и получить его благословение».

«Нет», ответил мужчина, «лишь она меня интересу-ет. Скажи мне, где я могу ее отыскать. Неведомо как, но я утратил ее призрак».

«Сейчас она подвергается второй смерти, называемой interim mori. Когда она умирает во второй раз, начинает распадаться ее астральное тело. Случись тебе увидеть ее сейчас, ты не признал бы ее. Поэтому ей нужна маска: она не хочет тебя пугать».

«Это подобно тому, что сказано в тибетской Книге мертвых», произнес мужчина. «От одного состояния раз-ложения переходишь в другое».

«Не пересказывай мне книг», прервал предок, «я тоже кое-что написал», — он указал на книгу, лежавшую на столе. Она была озаглавлена «Естественное право». Предок взял ее и стал листать, зачитывая отрывки. «Истинная любовь никак не может пережить действие своего совершения; скорее, на другом плане заключается тайное соглашение. Истинный союз происходит лишь в грезах».

Он прервался, чтобы пояснить: его книга исследует вдохновенную науку; «любовь ничего общего не имеет с сексуальностью — она предшествует ей. Любовь существовала еще до того, как виды были разделены на два пола. Изначальные организмы, как и организмы обоеполые, воспроизводились партеногенетически. Но они также искали подобный обоеполый организм себе в пару: для любви — со-вершая подражание делению до того, как оно стало слу-

чаться в действительности. Любовь приводит к разделению обоеполого существа, и к размежеванию полов. Любовь порождает пол, но не наоборот. Обоеполое существо было разделено, чтобы получить мотивацию к существованию, поиску в мире способа заново объединиться, или преобразоваться в новое андрогинное существо. Это существо весьма отличается от первобытного гермафродита. Новое существо — и не естественный сын и не сверхъестественный ангел, но обладает некоторыми чертами обоих».

Предок бросил читать и вновь заговорил с женщиной.

«Когда ты найдешь свою возлюбленную и соединишься с ней навсегда, когда вы на самом деле вступите в брак, ты поймешь, что я имею в виду. Книги же объяснить этого не могут». Он пролистал последние страницы, ничего из них не зачитав. Оставив книгу раскрытой, он бросил ее на столе и вышел из комнаты.

С трудом, будто покидая свое околешнее тело, мужчина встал из кресла и прошел к столу; зажег свечу и посмотрел на страницы. «Сутры — Афоризмы», — так было написано причудливым архаичным почерком. Он начал читать:

О Богиня, ты истинная я. Нет различия между мной и тобой.

Ветер, дующий из садов, где отдыхает моя возлюбленная, доносит до меня ее сущность.

Нужно думать о душе, как о замке из бриллиантов или наичистейшего хрусталя, со множеством покоев и опочивален, внизу иверху, и по сторонам. В середине же наиважнейший чертог, где происходит самая тайная из всех бесед: любовника и его души.

Замок этот высажен на живые воды жизни.

Сейчас мы должны научиться проникать в него. Возможно, ты думаешь, что я говорю глупости, ведь я уже сказал, что замок — это душа. Но меж состояниями бытия есть огромные расстояния. На

отшибах замка множество душ; некоторые желают войти, другие — остаться снаружи. А многие даже не знают, что такое прекрасное место вообще существует.

*Тебе не нужно ходить взад—вперед
Если ты ищешь меня.
Просто посмотри внутрь себя:
Теперь я живу здесь.*

*Я отдала себя ему
И тогда переменилась.
Теперь я — мой возлюбленный,
И мой возлюбленный — я.*

...Они как знамения или посланцы приближающейся темной ночи души, даже несмотря на то, что они преходящи, как эта надвигающаяся ночь... Но Сомнение — то, что душа зовет Темной Ночью... это Темный Рыцарь любящего огня: когда он становится очищением, душа ввергается в пекло...

*Горький ветер,
Уходи прочь.
Не касайся стены,
Где спит моя жена.*

В книге были и другие разделы, многие с названиями и подназваниями:

Под последним управлением вещей

Смерть

Воин должен предать смерти лицо своей возлюбленной. Тогда смерть делается женственной.

Поцелуй

Поцелуй был новым ритуалом, установленным, чтобы заместить удар ножом и питье крови. Он также включал смешение дыханий. Но так же, как белый бог Кетцалькоатль не преуспел в попытке заместить кровавые жертвоприношения ацтеков на подношения цветов, так и поцелуй никогда не достиг своего назначения. Он стал просто чувственным действием. Истинный поцелуй — первый шаг на дороге, ведущей в потерянный дом, и в Город Вечной Жизни.

Взгляд

Оргазм выражает союз жизненной силы и женственности в мужчине. Взгляд передает оргазм в сердце.

Он переворачивал дополнительные страницы книги, пока не нашел это:

Семейное вино

В Пятой книге Вайнденфельда, о которой известно только нам, разъясняется сотворение духа вина. Никакая другая книга никогда не описывала сей процесс. Это *spiritus mercurii universalis* — или менструация винных гроздьев, окончательное растворение жидкости. Наша семья полагает, что жидкое золото не может быть сотворено прежде получения духа вина. Формула же такова: возьми в равной пропорции красное и белое вино, и нагрей их в равномерно возрастающем жаре. Вино будет кипеть, пока не появится тонкий слой масла. Это путрефакция, менструация растительности. В то время, что потребуются маслу для поднятия на поверхность, присутствующие должны молиться. Тогда, когда снимается крышка с котла, участники вдыхают аромат. Если он тонко-вкрадчивый, значит, дух вина явился. Дух должно выпить быстро, пока он не успел осадиться.

Когда это сделано, vas hermeticum снова закрывают и кипятят до тех пор, пока оставшееся масло не преобразуется в металл, в жидкое золото, которое представляет собой квинтэссенцию, пятую сущность. Вещество это не встречается в природе, и должно быть изготовлено искусством.

Можно последовать двум дорогам: одна быстро приводит к месту назначения, потому что не требует ни дистилляции духа вина, ни помощи женщины, мистической сестры, в лаборатории. Его называют сухим путем. И кто может сказать: таковы же его результаты или отличаются от получаемых на другом пути? Но наша семья всегда выбирала путь, использующий вино. Он называется мокрым путем и требует общества женщины. Она производит дух вина и дает его нам. Всё же, это не совместное путешествие, потому что остаток дороги чудовищно одинок. Ты будешь более одинок, чем мужчина на сухом пути, и встретишь многие опасности. Потому мы считаем этот путь более благородным и завершенным. Нам не позволено доверять бумаге имя того, кто впервые избрал его — но в кругу семьи мы всегда поднимаем за него бокал.

За этим следовало несколько неразборчивых стихов, а другие были зачеркнуты и закрашены чернилами. Прочсть их было невозможно. Тогда мужчина развернул предпоследнюю страницу и прочел вот что:

Я скажу тебе: мое сердце было раскрыто будто ударом ножа, и ты вошла в него. Тогда оно закрылось и было запечатано. И потому у тебя не будет других спутников до дня воскресения и последнего суда: ты поделишь мою жизнь и равно мою смерть. Когда я умру, ты останешься в моём сердце, в унылых глубинах могилы.

Вновь появился предок. Он нес канделябр и был одет в богато отделанный халат. «Пойдем со мной. Я хочу показать тебе наши виноградники и винные погреба, где мы семь веков изготавливали вино. Это всегда было нашим семейным делом».

Они покинули опустевший дом и отправились в поля, где рабочие собирали виноградные гроздья в короба и давили их босыми ногами. Они пели старые песни, сопутствующие рождению нового вина. В палатке собрались члены семьи, чтобы участвовать в празднике урожая. Старые и юные сидели в полном молчании и сосредоточении. Когда прибыл предок, они встали и один за другим отвесили поклон. На мужчину же они смотрели удивленно, и не могли его узнать.

«Не беспокойся», сказал предок, «большинство из них не понимает смысла происходящего». Он отвернулся. «Теперь давай осмотрим винные погреба».

Они снова оказались одни. Предок шел впереди, показывая на бочки; каждая была поименована. Чем глубже они шли, тем мельче делались бочонки. «Лучшее вино сохраняется для семьи. Здесь же мы сохраняем и дух вина. Наверное, ты читал, как он производится, в той книге, что я оставил в твоей комнате. Пятая книга Вайнденфельда — собственность нашей семьи, и кроме нас вообще никто не знает, что он написал ее».

Они подошли к концу верхнего уровня, и предок остановился у необозначенного бочонка. «Этот не имеет имени, но я дам ему твое имя, когда узнаю, как тебя зовут на самом деле».

Они достигли входа в подземный склеп, но, прежде чем спуститься, предок переменял наряд и взял меч. «Ты тоже должен быть с мечом. Он будет необходим».

Древние деревянные сваи скреплялись вместе кожаными ремнями. Пол был нетверд, воздух сыр и тяжел. Время от времени в сиянии свечи они могли заметить несколько звеньев разорванной ржавой цепи. «Мы идем навестить Великого Предка».

Долгое время они шли в темноте, и мужчина спросил предка, как тот находит путь. «Я не знаю, где мы», ответил тот. «Я просто продолжаю идти. Всех этих проходов не обошел никто».

Как раз в это мгновение они услышали стон, а за ним — подобие рева. Мужчину пронзила холодная вспышка страха, но предок успокоил его, взяв за руку. «Я чувствовал то же, когда впервые ступил сюда. Просто крепче держи меч».

Еще чуть погодя они остановились: казалось, дошли до конца. Перед ними возвышалась каменная колонна. У ее основания в свете свечи они узрели потерявшее форму человеческое существо, закованное в цепи и спутанное ремнями. Лицо его было отмечено унижением и страданиями, но удары этих бичей являли также и святость человечества. В лице его тут и там возникали черты всех творений: животных и рыб, растений и минералов.

«Вот Великий Предок, пра-прадед всех прадедов. Испроси у него благословений и прощения. Склонись перед ним, опустишь на колени и целуй его язвы».

«Нет, никогда», отозвался мужчина. «Но я освобожу его! Для этого я пришел сюда».

Простым взмахом меча он уничтожил цепи и ремни, сковывавшие Великого Предка — короля, властвовавшего всеми рабами Атлантиды.

Он вошел в комнату. На нём всё еще оставались следы цепей и мук, и вокруг него витал впитавшийся запах. «Я пришел, чтобы благодарить тебя», сказа он. «Я выражаю тебе свое признание тем же самым: я разрубаю твои цепи и вызволяю тебя от пут, связывавших тебя с твоей мечтой. Вот генеалогическое древо рода. Один из твоих прадедов звался Воскресением. Другой Субботой. Твое же имя — Пятница, поскольку пятница — день твоей звезды. На вершине древа медленно вытягивается новая ветвь. Она будет последней, потому что не несет плода».

Мужчина стал благодарить Великого Предка, но тот поспешно прервал его. «Не благодари меня — семья эта проклята безграничной гордыней, ищущей убежища в иллюзии. Твой предок из портрета и твои прадеды — все они были неспособны любить людей из плоти и крови. Все они посвящали себя тому, что не существует, надеясь тем самым спасти свою гордыню. И ты таков же. Ты не способен любить настоящую женщину, и потому любишь вместо нее умершую. Ты знаешь, что ее не существует, потому что она исчезла навсегда. Как и все твои предшественники, ты не любишь никого, кроме себя».

Удар копья пробил его ребра. Неспособный отвечать или пошевелиться, он закрыл глаза. Потом, с огромным трудом, сумел приоткрыть окаменевшие губы:

— Почему ты оставил меня?!

«Я любил ее всем своим существом, изо всех сил. Это верно, что я любил ее иначе, но моя любовь была большей, чем обычная любовь. Я пронес ее через мир, даря ей свои глаза, так чтобы она могла видеть, свои чувства, чтобы она могла ощущать. И если я не могу любить никого другого, то это потому, что она заставила меня гореть и бросила холодным, потому что она и я — одно».

И он стал молиться утренней звезде. И через минуты услышал голос: «Нет, еще не время. Я всё еще в могиле».

И тогда заговорил предок: «Это Нигредо, Темная Ночь Души. Разложение одного — очищение другого. *Corruptio unius generatio est alterium*».

И после Нигредо наступает Альбеде. Это Албания, белая земля, восхождение на захватывающе чудесные вершины, и окончательная встреча в оазисе, окруженном льдом. Возможно, она также появится, чтобы направлять его на непростой тропе, пока, наконец, они не достигнут врат Города, в который она не войдет.

Мужчина прошел к зеркалу и осмотрел себя. Он увидел, что его глаза стали ее глазами. Он смотрел на себя изнутри нее.

«Ты и я — одно», воскликнул он.

Этот победный клич отозвался могучим ударом землетрясения. В неистовом содрогании гор южного берега из пучин океана восстала земля адрогинного Он–Она.

Лучшие книги издательства "Ex Nord Lux", а также многие редкие книги теперь доступны в электронном виде!

Преимущества:

- Нужную книгу легко получить в любой момент в течение 5 минут
- Моментальная оплата и доставка
- Постоянное обновление каталога
- Удобство чтения электронных книг на мобильных устройствах

Жанры:

- Эзотерика
- Мифология
- История
- Философия
- Политика
- Мемуары

Форматы:

- PDF
- FB2
- RTF
- TXT
- ePub

© Электронное издательство "Ex Nord Lux DIGITAL"
<http://nordlux-digi.org>

